

Айн
РЭНД

КОНЦЕПЦИЯ ЭГОИЗМА

Памятники здоровой мысли

Annotation

Сборник дает представление о творчестве известной американской писательницы и философа Айн Рэнд — выдающейся защитницы разума и свободы в Америке. Ее роман «Атлант расправил плечи» по результатам опроса, проведенного библиотекой Конгресса США в 1991 г., признан одной из оказавших наибольшее воздействие на читателей книг в Америке.

Айн Рэнд

Концепция эгоизма

(моральность индивидуализма)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моя философия — это представление человека как существа героического, для которого мораль пая цель жизни — собственное счастье, самая благородная деятельность — творчество, а единственный абсолют — разум.

Айн Рэнд

Айн Рэнд (1905–1982) родилась в Санкт-Петербурге и получила образование при советской власти, с теорией и практикой которой, однако, примириться не смогла. В 1926 году она оказывается в Соединенных Штатах, где избирает литературное поприще. Вскоре ее романы становятся бестселлерами (до сих пор ежегодно продается 250.000 экземпляров), а сама она получает признание как философ, создавший оригинальную и вдохновенную концепцию, названную ею объективизмом.

Целью Айн Рэнд как романиста было «изображение идеального человека», для которого высшими ценностями являются разум, независимость и чувство собственного достоинства. В эту книгу включены главы из теоретических работ и небольшие отрывки из повести и двух романов Айн Рэнд, разъясняющие суть индивидуализма. В романе «Гимн» (1938) изображено абсолютно коллективизированное общество будущего; действие повести

«Мы — живые» (1937) происходит в Советской России вскоре после революции и раскрывает конфликт между личностью и тоталитарным государством; роман «Источник» (1943) посвящен борьбе свободомыслящего архитектора с конформизмом. Понимая, что необходимо «определить и показать условия, которые сделают возможным появление и существование идеального человека», Айн Рэнд посвятила последние двадцать лет жизни созданию собственной философской системы. Она так определила основные принципы объективизма:

реальность существует независимо от чьих-либо верований и желаний;

разум — единственный источник знаний для человека и основной инструмент выживания;

человек обретает цель в самом себе, это означает, что каждый индивидуум должен жить своим умом и для самого себя, не принося себя в жертву другим, и не делая других своими жертвами;

капитализм — единственная моральная социальная система.

Айн Рэнд рассматривает философию не как убежище от мира сего или игру, а как вопрос жизни и смерти. Страстный защитник индивидуализма и капитализма, она считает политическую философию лишь следствием фундаментальной философии: «Я являюсь в первую очередь защитником не капитализма, а эгоизма, и даже не столько эгоизма, сколько разума. Если человек признает приоритет разума и последователен в этом, все остальное само собой разумеется».

Сборник открывает сокращенный вариант очерка Айн Рэнд «Что такое капитализм?»; за ним следуют очерки об индивидуализме, индивидуальных правах и о правильной форме государства. Завершает сборник отрывок из речи Галта — краткое изложение фундаментальных принципов объективизма из основной работы Айн Рэнд — романа «Атлант расправил плечи» (1957). Эти отрывки познакомят русского читателя с моральными и политическими взглядами Айн Рэнд и с фундаментальными философскими принципами, на которых эти взгляды основаны. Книга охватывает лишь малую часть идей Айн Рэнд. Автора интересует широчайший круг проблем: от психологии формирования концепций до сущности и природы музыки.

Айн Рэнд считает философию основным фактором, определяющим жизнь отдельного человека или нации, и убеждена, что Америку, созданную на принципах личной независимости, разрушает философия, считающая эту независимость злом. «Современное состояние мира, — писала она в 1961 году, — не доказательство бессилия философии, напротив, это доказательство ее силы. Именно философия довела людей до сегодняшнего состояния, и только философия может вывести их из него». Философия мистицизма, диалектического материализма, самопожертвования и покорности принесла советским людям лишь тиранию и смерть. Только философия разума, рационального эгоизма и индивидуализма покажет им выход. Хочется верить, что эта книга попадет к тем людям в бывшем СССР, кто ищет выход. Он ведет к личному счастью и свободному обществу.

*Майкл С. Берлинср,
доктор философии
директор Института Айн Рэнд.
Ноябрь, 1992*

ЧТО ТАКОЕ КАПИТАЛИЗМ?

Разложение философии в XIX веке и ее упадок в XX привели к сходным, хотя и значительно более медленным и менее очевидным процессам в современной науке.

Сегодняшнее лихорадочное развитие технологии напоминает период, предшествовавший экономической катастрофе 1929 года: движущееся по инерции прошлого, основанное на непризнанных останках Аристотелевой теории познания, это развитие представляет собой неуравновешенную, беспорядочную, лихорадочную экспансию, в то время как ее теоретическая база уже давно иссякла. В области теории ученые не могут ни обобщить, ни объяснить собственные данные и тем самым способствуют возрождению примитивного мистицизма. В гуманитарных науках крах уже позади — там воцарились депрессия и практически полный упадок.

Самое яркое свидетельство тому можно найти в сравнительно молодых науках: психологии и политэкономии. В психологии наблюдается попытка изучать человека, игнорируя тот факт, что человек обладает сознанием. В политэкономии — попытки изобретать и изучать социальные системы без ссылки на человека.

Именно философия определяет и устанавливает критерии теории познания, направления познания вообще и в отдельных науках в частности.

Политэкономия получила широкую известность в XIX веке, в эпоху разложения посткантианской философии, и никто не дал себе труда проверить ее предпосылки или критически пересмотреть ее базис. Политэкономия безоговорочно, без разбора и сопротивления приняла в качестве аксиом основополагающие принципы коллективизма.

Политэкономы, включая сторонников капитализма, определяли свою науку либо как изучение управления производством, либо как изучение направления, организации или манипуляции общественными или национальными ресурсами. Природа этих ресурсов не определялась; их принадлежность к общественной собственности была принята как должное; предполагалось, что целью политэкономии является изучение возможностей использования этих ресурсов на «всеобщее благо». Тому, что основным рассматриваемым ресурсом является сам человек, что он есть существо специфической природы со специфическими свойствами, внимания не уделялось, а если и уделялось, то очень поверхностное. Человек рассматривался просто как один из факторов процесса производства — как земля, леса или шахты; при этом его считали одним из наименее значимых, больше внимания уделялось изучению влияния и особенностей всех других факторов, чем его собственным роли и особенностям.

Как следствие политэкономия неправильно выбирала точку отсчета: она наблюдала, чем занимаются люди и чем торгуют, она полагала, что люди всегда так поступали и будут поступать, принимая это заблуждение как факт, не требующий внимательного изучения, и считала, что ей следует лишь решать вопрос — как обществу найти наилучший способ распорядиться усилиями личности.

Существует много объяснений такому «племенному» подходу к человеку. Одно из них — альтруистическая мораль, другое — все возрастающее влияние на интеллектуалов XIX века политической идеологии централизованного государства. Психологически основной причиной была дихотомия душа — тело, глубоко укоренившаяся в европейской культуре: материальное производство рассматривалось как унижающее занятие низших слоев общества, никак не связанное с интеллектом, занятие, предназначенное испокон веков для рабов или крепостных.

Институт крепостничества просуществовал в той или иной форме практически до середины XIX века; политически он был отменен только пришествием капитализма — политически, но никак не в умах.

Концепция человека как свободной независимой личности была глубоко чужда европейской культуре. Это была культура племенная по своей сути; в европейском мышлении племя было сущностью, целым, а человек — лишь одной из клеток этого организма, которой можно легко пожертвовать. Это относилось как к правящему классу, так и к простым людям: считалось, что правящий класс обладает своими привилегиями только в связи с занятием, считавшимся благородным, — службой в войске или воинской дружине. Но дворянин был собственностью общины в той же степени, что и крепостной, — его жизнь и имущество принадлежали монарху. Необходимо помнить, что институт частной собственности в юридическом смысле был установлен только при капитализме. В докапиталистические времена частная собственность существовала *de facto*, а не *de jure*, то есть по традиции и с разрешения, а не по праву и закону. По закону и в принципе вся собственность принадлежала главе общины — монарху и находилась во владении с его разрешения, которое он мог отменить в любой момент по своему усмотрению. (Монарх мог экспроприировать владения непокорных дворян и часто пользовался этим правом на всем протяжении европейской истории.) Европейские интеллектуалы так и не смогли до конца понять американскую философию прав человека. Суть европейской идеи освобождения сводилась к тому, что человек из раба абсолютистского государства, воплощенного в монархе, превращался в раба абсолютистского государства, воплощенного в народе, ~ полная зависимость от главы племени превращалась в зависимость от самого племени. Представление о необщинном существовании не могло проникнуть в умы, которые считали привилегию правления производителями материальных ценностей при помощи физической силы признаком благородства.

Таким образом, европейские мыслители не заметили, что в течение XIX века галерных рабов сменили изобретатели паровозов, а деревенских купцов — владельцы домен, и продолжали пользоваться и мыслить терминами (противоречивыми по сути) «наемное рабство» или «антисоциальный эгоизм промышленников, которые берут от общества все, ничего не давая взамен», исходя из той неподвергаемой сомнению аксиомы, что богатство есть анонимный социальный продукт общины.

Эта аксиома не подвергалась сомнению до сегодняшнего дня — она представляет собой безоговорочное утверждение, основу современной политэкономии.

В качестве примера такого отношения и его последствий я процитирую статью «Капитализм» из Британской энциклопедии. Статья не дает определения предмету, а начинается так:

«КАПИТАЛИЗМ — термин, используемый для определения экономической системы, преобладающей в Западном мире со времен распада феодализма. Основопологающими в любой системе, называемой капиталистической, являются отношения между частной собственностью на средства производства (землю, шахты, промышленные предприятия т. д.), общеизвестные как капитал, и свободными, но неимущими рабочими, которые продают свой труд нанимателям. [...] Конечная зарплата определяет пропорцию, в которой всеобщий продукт общества будет распределен между классом рабочих и классом капиталистических предпринимателей».

(Британская энциклопедия, 1964, t.IV, сс.839–845).

Я цитирую речь Галта из главы романа «Атлант расправил плечи», описывающей принципы коллективизма: «Предприниматель. Такого лица не существует. Предприятие — это природный ресурс, как дерево, камень или грязная лужа».

Успех капитализма объясняется Британской энциклопедией следующим образом:

«Продуктивное использование социальной прибыли было главным достоинством, которое дало возможность капитализму превзойти все предшествующие экономические системы. Вместо строительства пирамид и соборов те, кто распорядился прибылью, решили вкладывать ее в корабли, склады, сырье, конечный продукт производства и другие формы материального богатства. Таким образом, общественная прибыль была превращена в возросшую производственную мощь».

Описание относится ко времени, когда население Европы пребывало в такой бедности, что уровень детской смертности достиг пятидесяти процентов, а периодически свирепствующий голод уносил прирост населения, которое докапиталистические экономические системы не могли прокормить. Тем не менее, не делая никакого различия между богатством, полученным в результате налогообложения, и богатством, произведенным промышленным способом, Британская энциклопедия утверждает, что первые капиталисты «приказывали» и «решили вложить в дело» и что именно *сверхприбыль* того периода и ее вложение стали причиной невероятного процветания в следующем веке.

Что же такое социальная прибыль? Статья не дает ни определения, ни объяснения. Любая прибыль предполагает некую норму; если существование на уровне хронического недоедания выше подразумеваемой нормы, то что же это за норма? Статья не дает ответа.

Конечно же, не существует никакой «социальной прибыли». Все кем-то производится и кому-то принадлежит. И «главным достоинством, которое дало возможность капитализму превзойти все предшествующие экономические системы», была *свобода* (концепция, красноречиво отсутствующая в рассуждениях Британской энциклопедии), которая привела не к экспроприации, а к созданию *благосостояния*.

Ниже я еще вернусь к этой постыдной статье (постыдной по многим причинам, не последняя из которых — так называемая ученость). Я привела эту цитату здесь только как наглядный пример племенного мышления, на котором основана современная политэкономия. Эта точка зрения в равной степени характерна как для противников, так и для защитников капитализма: первым она дает некоторую внутреннюю последовательность, вторых разоружает неуловимым и, тем не менее, уничтожающим ореолом морального лицемерия — она служит свидетельством их попыток оправдать капитализм «всеобщим благом», «удовлетворением нужд потребителя» или «наилучшим распределением ресурсов». *Чьих ресурсов?*

Чтобы понять капитализм, необходимо в первую очередь подвергнуть сомнению *племенной подход* этой проблеме.

Человечество — не сущность, не организм, не коралловый куст. Существо, без которого нет ни производства, ни торговли, — человек. Любая гуманитарная наука должна начинаться с изучения человека, а не неопределенной совокупности, известной как общество.

Этот вопрос представляет одно из различий в познавательном методе гуманитарных и естественных наук, одну из причин вполне заслуженного комплекса неполноценности первых по отношению ко вторым. Естественная наука не позволяет себе — по крайней мере не позволяла до сих пор — игнорировать природу изучаемого предмета. Примерно так астрономия могла бы изучать небо, отказываясь от изучения отдельных звезд, планет и спутников, или медицина изучала бы заболевание, не заботясь о здоровье, считая основным предметом исследования больницу в целом и не обращая внимания на отдельных пациентов.

Изучая человека, можно очень много узнать об обществе, изучая общество, нельзя изучить человека; никому не удалось ничего выявить или определить путем изучения отношений сущностей. Тем не менее такая методология принята большинством политэкономов. В результате их отношение к политэкономии сводится к невысказанному, но подразумеваемому

постулату: «Люди — это члены экономических уравнений». Поскольку человек явно не вписывается в уравнения, это приводит к любопытному факту: несмотря на прикладную природу своей науки, политэкономы странным образом не могут соотнести свои абстракции с конкретикой реального бытия.

Отсюда — вводящая в заблуждение двойственность подхода при рассмотрении человека и событий: когда политэкономы рассматривают сапожника, им не трудно прийти к заключению, что он работает, чтобы заработать себе на жизнь; но, становясь на племенную точку зрения, они заявляют, что его цель (и обязанность) — обеспечить общество обувью. Рассматривая попрошайку на улице, они определяют его как бездельника, а в политэкономии он становится «независимым потребителем». Слыша, что коммунистическая доктрина требует, чтобы вся собственность принадлежала государству, они с гневом отвергают ее и *искренне* готовы драться с коммунизмом до последней капли крови; но в политэкономии они говорят об обязанности правительства осуществлять «справедливое перераспределение богатства» и считают, что предприниматели — это наилучшие, наиболее эффективные попечители «национальных ресурсов» страны.

Вот к чему может привести простая предпосылка (и философская небрежность), вот к чему привела племенная точка зрения.

Чтобы отбросить эту предпосылку и начать сначала в нашем подходе к политэкономии и оценке различных социальных систем, необходимо дать определение природы человека, назвать те существенные характеристики, которые отличают его от других биологических видов.

Главной отличительной чертой человека является его способность рационально мыслить. Человеческий мозг — это основное средство выживания, единственное средство приобретения знаний.

«Человек не может выжить, как животные, только посредством инстинктов. [...] Он не может удовлетворять свои простейшие физические нужды без процесса мышления. Ему необходим процесс мышления, чтобы узнать, как сажать и растить свою пищу или как сделать орудия для охоты. Инстинкты могли привести его в пещеру, если таковая имелась, но, чтобы построить простейшее укрытие, необходим процесс мышления. Никакие ощущения или инстинкты не подскажут, как разжечь огонь, соткать ткань, изготовить орудия труда, сделать колесо, построить самолет, вырезать аппендикс, создать электрическую лампочку и электромясорубку, или циклотрон, или коробок спичек. Жизнь человека зависит от этих знаний, и только волевой акт его сознания, процесс мышления могут их обеспечить». («*Этика объективиста*», «Нравственность эгоизма»).

Мышление — это невероятно сложный процесс идентификации и интеграции, на который способен только индивидуальный разум. Не существует коллективного разума. Люди могут учиться друг у друга, но процесс обучения требует от каждого обучающегося собственного мышления. Люди могут сотрудничать в поисках новых знаний, но такое сотрудничество требует от каждого ученого независимого использования своей способности рационально мыслить. Человек — единственное живое существо, которое может передавать и расширять запас своих знаний от поколения к поколению, но для такой передачи от каждого получателя требуется процесс мышления. Свидетельство тому — распавшиеся цивилизации, темные времена в истории развития человечества, когда знания, накопленные веками, исчезали из жизни людей, которые не могли, не хотели или которым запрещено было думать.

Для поддержания жизни каждое существо должно придерживаться в своих действиях определенной последовательности, которой требует его природа. Для человека это прежде всего действия интеллектуальные. Все необходимое человеку должно быть открыто его разумом и произведено его усилиями. Производство — это привлечение разума к решению проблемы

выживания.

Люди, не желающие мыслить, могут выжить, только подражая заведенному порядку, открытому другими, но эти другие должны были открыть его, иначе никто из них не выжил бы. Люди, не желающие думать и работать, могут выжить — временно, — только отбирая силой то, что произведено другими, но эти другие должны производить, иначе никто из них не выжил бы. Независимо от того, какой из этих вариантов выбирает человек или группа людей, независимо от того, какой слепой, иррациональный или пагубный путь они выбирают, — факт остается фактом: разум для человека — инструмент выживания, и человек либо преуспевает, либо нет: прямо пропорционально своей рациональности.

Поскольку знания, мышление и рациональные действия — свойства индивидуальные, поскольку выбор использования способности рационально действовать зависит от каждого индивидуума, для выживания человека необходимо освободить тех, кто думает, от тех, кто не думает. Поскольку люди не всезнающи и не безгрешны, у них должна быть свобода выбора: соглашаться или не соглашаться, сотрудничать или идти своим путем, в соответствии с собственным рациональным суждением. Свобода — это фундаментальная необходимость человеческого мышления.

Рациональный ум не работает по принуждению, он не подчиняет свое восприятие реальности чьим-либо приказам, директивам, ограничениям, он не приносит свои знания, свое видение истины в жертву чьим-либо мнениям, угрозам, пожеланиям, планам или благосостоянию. Такому мышлению можно ставить препоны, его можно заставить замолчать, запретить, упрятать в тюрьму или уничтожить, но его нельзя заставить работать: оружие — не аргумент в споре. (Пример тому — Галилео Галилей.)

Все познания и достижения человечества — результат работы такого мышления, таких непреклонных первопроходцев (см. «Источник»). Именно такому мышлению человек обязан своим выживанием (см. «Атлант расправил плечи»).

Те же принципы относятся ко всем людям, независимо от уровня их способностей и амбиций. Чем рациональней суждения человека, тем точнее его действия соответствуют требованиям его природы и тем более он преуспевает в достижении человеческой формы выживания и благосостояния. Действуя иррационально, человек разрушает себя.

Общественное признание рациональной природы человека есть установление связи между выживанием и использованием разума. В этом и заключается концепция *индивидуальных прав*.

Я напомню вам, что права — это моральные принципы, определяющие и санкционирующие свободу действий человека в обществе, и что они берут свое начало в природе человека как существа разумного, являют собой необходимое условие его особого способа выживания. Я также напомню вам, что право на жизнь — это основа всех прав, включая право на собственность. (Для более полного рассмотрения прав я отсылаю вас ко второй главе этой книги — «Права человека».)

В применении к политэкономии последнее требует особого внимания: человек должен работать и производить для того, чтобы поддерживать жизнь. Он должен зарабатывать на жизнь собственными усилиями и руководствуясь собственным разумом. Если человек не может реализовать продукт своих усилий, значит, он не может реализовать сами усилия, следовательно, не может реализовать самую жизнь. Без права на собственность не осуществимы никакие права.

Теперь, постаравшись запомнить все эти факты, рассмотрим вопрос: какая социальная система соответствует человеку?

Социальная система — это свод морально-политических и политико-экономических принципов, воплощенных в законах общества, его институтах и правительстве, которые

определяют взаимоотношения, условия взаимосвязей между людьми, живущими в данной географической области. Очевидно, что эти условия и взаимоотношения зависят от определения природы человека и будут совершенно различны в зависимости от того, относятся ли они к обществу разумных существ или к колонии муравьев. Очевидно, что они будут совершенно различны в том случае, когда люди имеют дело с другими людьми как свободные, независимые личности, признавая ценность каждого человека, и в том случае, когда они относятся друг к другу как члены некой стаи, рассматривая друг друга как средство достижения *своих* целей и целей своей стаи.

Существуют лишь два основополагающих вопроса (или два аспекта одного и того же вопроса), определяющих природу любой социальной системы: признает ли социальная система права личности и допускает ли социальная система использование физической силы в отношениях между людьми? Ответ на второй вопрос — практическое воплощение ответа на первый вопрос.

Является ли человек независимой личностью, распоряжающейся своим телом, своим разумом, своей жизнью, своей работой и ее результатами, — или он собственность племени (государства, общества, коллектива), которое может распоряжаться им по своему усмотрению, может диктовать ему убеждения, предписывать ход его жизни, контролировать его деятельность и экспроприировать ее результаты? Имеет ли человек *правосуществовать* для самого себя — или он рожден в путах, как крепостной, который должен постоянно выкупать свою жизнь, служа племени?

Это первый вопрос, на который необходимо дать ответ. Все остальное — его последствия практическое воплощение. Основной и единственный вопрос — свободен ли человек?

В истории человечества капитализм — единственная система, которая отвечает «да».

Капитализм — это социальная система, основанная на признании индивидуальных прав личности, включая право на собственность, в которой вся собственность находится в частном владении.

Признание прав личности влечет за собой исключение из человеческих взаимоотношений физической силы: по существу, права могут быть нарушены только с применением силы. В капиталистическом обществе никакой человек, никакая группа людей не могут *начать* применение физической силы против других людей. Единственная функция правительства в таком обществе — защита прав человека, то есть защита человека от физической силы; правительство играет роль защитника права человека на самозащиту и может использовать силу только как ответное действие и только против тех, кто использовал силу первым; таким образом, правительство — это средство объективного контроля за ответным применением физической силы (для более полного рассмотрения этого вопроса см. третью главу этой книги — «Сущность правительства»).

Капитализм признает и защищает основной метафизический факт природы человека: связь между его выживанием и применением разума.

В капиталистическом обществе все человеческие взаимоотношения *добровольны*. Люди свободны выбирать сотрудничать или нет, поддерживать друг с другом отношения или нет, основываясь на собственных решениях, убеждениях и интересах. Они могут иметь дело друг с другом только с точки зрения и посредством разума, то есть посредством обсуждения, убеждения и *договорного* соглашения, путем добровольного выбора в целях обоюдной выгоды. Право соглашаться с другими не вызывает никаких сложностей в любом обществе; *самое важное — это право не соглашаться*. Именно институт частной собственности защищает и воплощает в жизнь право не соглашаться и, таким образом, охраняет открытый путь к наиболее ценному человеческому атрибуту (ценному с личной точки зрения, социально и

объективно) — творческому разуму.

В этом кардинальное различие между капитализмом и коллективизмом.

Философия — это сила, которая определяет становление, эволюцию и разрушение социальных систем. Роль превратностей судьбы, случая или традиций в этом контексте такова же, как и в реальной жизни личности: их влияние находится в обратной зависимости от философской оснащенности культуры (или личности), и это влияние возрастает, когда рушится философия. Поэтому характер социальной системы необходимо определять и оценивать по ее отношению к философии. Четырем основам, на которых держится капитализм, соответствуют четыре раздела философии: потребностям человеческой природы и выживания соответствует метафизика, разуму — теория познания, индивидуальным правам — этика и свободе — политика.

В этом, а не в племенной точке зрения, унаследованной от доисторических традиций, по существу и заключается основа должного подхода к политэкономии и к пониманию капитализма.

Практическое оправдание капитализма заключается не в утверждении коллективизма, что капитализм осуществляет «наилучшее распределение национальных ресурсов». Ни человек, ни его разум не являются «национальными ресурсами», и без созидательной силы человеческого интеллекта сырье остается никому ненужным сырьем.

Моральное оправдание капитализма заключается не в альтруистическом утверждении, что капитализм представляет собой наилучший способ достижения всеобщего блага. Да, капитализм выполняет эту задачу — если это выражение вообще имеет смысл, но это лишь второстепенная задача. Моральное оправдание капитализма заключается в том, что это единственная система, соответствующая рациональной природе человека, и что капитализм защищает выживание человека именно как человека, а его правящий принцип — *справедливость*.

Каждая социальная система прямо или косвенно основывается на некоей теории этики. Племенное понятие всеобщего блага служило моральным оправданием большинству социальных систем (и всем тираниям) в истории. Степень порабощенности или свободы общества соответствовала степени, в которой этот общинный принцип внедрялся или игнорировался.

Всеобщее благо (или интерес публики) — концепция, которой не было дано определения, и сделать это невозможно: нет такого существа, как племя или общественность; племя (или общественность, или общество) — это всего лишь некое число личностей. Ничто не может быть благом для племени как такового; благо и ценность относятся *только* живому организму, к отдельному живому организму, а не к бестелесной совокупности взаимоотношений.

Всеобщее благо — это ничего не значащая концепция, если ее не воспринимать буквально, а в этом случае ее единственное значение — сумма всего хорошего, что есть во *всех* рассматриваемых людях. Но в этом случае концепция ничего не значит, ибо в качестве морального критерия она оставляет открытым вопрос: что есть благо в отдельных людях и как его определить?

Однако эта концепция обычно не используется в буквальном смысле. Ею пользуются именно вследствие ее гибкости, неопределенности и мистического характера, что служит не моральным руководством, а способом обойти мораль. Поскольку благо неприменимо к бестелесности, эта концепция становится санкцией на свободу действий для тех, кто пытается ее внедрить.

Когда всеобщее благо общества рассматривается как нечто отдельное и более важное, чем индивидуальное благо его членов, это означает, что благо *некоторых* людей становится важнее блага других и последние низводятся до положения жертвенных животных. В таких случаях молчаливо подразумевается, что всеобщее благо означает благо для *большинства*, а не

меньшинства или отдельной личности. Заметим, что этот важный факт *подразумевает*: даже наиболее коллективизированные умы чувствуют невозможность его морального оправдания. Но благо большинства тоже всего лишь притворство и заблуждение, поскольку фактически нарушение прав человека означает отмену всех прав, переход власти над бессильным большинством в руки любой банды, которая объявляет себя голосом общества и начинает править, используя физическую силу, пока ее не свергнет другая банда, пользующаяся теми же средствами.

Если начать с определения блага для индивидуумов, то под правильным следует понимать только то общество, в котором благо достигнуто или *достижимо*. Но если принимать всеобщее благо как аксиому и рассматривать индивидуальное благо как ее возможное, но необязательное следствие (необязательное в каждом конкретном случае), то можно дойти до такого ужасного абсурда, как Советская Россия, страна, якобы посвященная всеобщему благу, в которой все население, кроме ничтожно малой правящей клики, уже более двух поколений терпит нечеловеческие страдания.

Что же заставляет жертв и, что еще хуже, сторонних наблюдателей принимать эти и другие схожие с ними исторические зверства и по-прежнему прочно держаться за миф всеобщего блага? Ответ нужно искать в философии — в философских теориях о природе моральных ценностей.

По существу, есть три шкалы природы блага: врожденная, субъективная и объективная.

Врожденная теория утверждает, что благо присуще определенным действиям и явлениям само по себе, независимо ни от выгоды, ни от ущерба, которые они могут причинить объектам и субъектам действия. Именно эта теория отделяет концепцию блага от тех, кому оно предназначено, концепцию ценности от ценителя, провозглашая, что благо — это благо в себе, по себе и для себя.

Субъективистская теория утверждает, что благо не имеет отношения к фактам реальности, что оно — продукт человеческого сознания, созданный его чувствами, желаниями, интуицией и прихотями, и что оно является просто произвольным постулатом или эмоциональным обязательством.

Врожденная теория утверждает, что благо присуще некой реальности, независимой от сознания человека; субъективистская теория утверждает, что благо присуще человеческому сознанию и не зависит от реальности.

Объективистская теория утверждает, что благо не является атрибутом ни вещи в себе, ни эмоционального состояния человека, оно является *оценкой* фактов реальности в сознании человека в соответствии с рациональным стандартом ценностей. (Рациональный в данном контексте означает: основанный на фактах реальности и подтвержденный процессом мышления.) Объективистская теория утверждает, что *благо — это аспект реальности по отношению к человеку* и что оно должно быть человеком открыто, а не придумано. Фундаментальным в объективистской теории ценностей является вопрос: ценность для кого и для чего? Объективистская теория не допускает рассуждений в отрыве от контекста или заимствования концепций; она не допускает отделения ценности от цели, блага от тех, кто им пользуется, и действий человека от его разума.

Из всех социальных систем в истории человечества *капитализм — единственная, основанная на объективистской теории ценностей*.

Врожденная и субъективистская теории (или их смесь) — необходимая база для диктатуры, тирании или любой вариации абсолютистского государства. Существуют ли они в сознании, или в подсознании, в ясной форме философского трактата или в безотчетном хаосе их отзвуков в чувствах — эти теории позволяют человеку верить, что благо независимо от человеческого

сознания и его можно достичь путем применения физической силы.

Если человек полагает, что благо внутренне присуще определенным действиям, он, не задумываясь, будет заставлять других выполнять эти действия. Если человек полагает, что действия, приносящие ему выгоду или причиняющие ущерб, не имеют значения, то для него и море крови не будет иметь значения. Если человек не задумывается о тех, на ком скажутся результаты этих действий, он будет относиться ко всеобщей бойне как к моральной обязанности во имя «высшего» блага. Именно врожденная теория ценностей порождает Робеспьеров, Лениных, Сталиных или гитлеров. Не случайно Эйхман был кантианцем.

Если человек верит, что благо — это вопрос произвольного субъективного выбора, вопрос добра и зла становится для него проблемой выбора между его собственными чувствами и чувствами других людей. Для него становятся невозможными взаимосвязь, взаимопонимание или обмен мнениями. Разум — единственное средство общения между людьми, а объективная реальность — их единственный общий ориентир; когда они перестают действовать (то есть считаются безотносительными) в области морали, сила становится единственным способом решения споров между людьми. Если субъективист стремится к достижению собственного социального идеала, он *чувствует* моральное право заставлять людей «во имя их собственного блага», поскольку чувствует, что прав и что остальным нечего ему противопоставить, кроме эмоций.

На практике защитники врожденной и субъективистской школ часто сходятся (например, в психоэпистемологии, иначе каким образом моралистам врожденной теории открылось бы их абстрактное благо, как не посредством особых, нерациональных интуиции и откровений, то есть чувств?). Сомнительно, чтобы кто-нибудь, даже искренне заблуждаясь, стал придерживаться какой-нибудь из этих теорий. Но обе они служат оправданием жажды власти и применения грубой силы, развязывая руки потенциальному диктатору и обезоруживая его жертвы.

Объективистская теория ценностей — единственная моральная теория, не совместимая с применением силы в управлении государством. Капитализм ~ единственная система, безоговорочно основанная исключительно на объективистской теории ценностей, и историческая трагедия заключается в том, что об этом никогда не было ясно и определенно заявлено.

Если известно, что благо *объективно*, то есть предопределено природой реальности, но человеческий разум должен открыть его, тогда понятно, что попытка достичь блага при помощи физической силы есть чудовищное противоречие, отрицающее мораль в самой ее основе, лишаящее человека способности познавать благо. Сила парализует способность принимать решения, заставляя человека действовать вопреки своему суждению, делая его морально бессильным. Ценность, которую вынуждают принять ценой капитуляции собственного разума, ни для кого ценностью не является: человек, разум которого подавлен силой, не способен к принятию решения, выбору или оценке. Попытка достичь блага применением силы сродни попытке продать человеку картинную галерею ценой потери зрения. Ценности не могут существовать вне контекста жизни человека, включающего его нужды, цели, знания.

Объективистская точка зрения на ценности пронизывает всю структуру капиталистического общества.

Признание прав человека подразумевает признание того, что благо — это не смутная абстракция в некоем сверхъестественном измерении, а ценность, относящаяся к реальности, к этой земле, к каждой человеческой жизни. Следует обратить внимание на право человека стремиться к счастью. Оно подразумевает, что благо не может быть отделено от тех, для кого оно предназначено, что людей нельзя рассматривать как взаимозаменяемые *пешки* и что ни один человек, ни одно племя не может пытаться достичь блага одних людей ценой принесения в

жертву других.

Свободный рынок представляет собой *социальное* применение объективистской теории ценностей. Поскольку ценности должны быть открыты человеческим разумом, люди, чтобы сделать это открытие, должны обладать свободой, должны свободно думать, учиться, превращать свои знания в осязаемые формы, поставлять их на рынок, оценивать и выбирать, будь то материальные ценности или идеи, хлеб или философский трактат. Поскольку ценности устанавливаются контекстуально, каждый человек должен делать выбор сам, руководствуясь собственными знаниями, целями и интересами. Поскольку ценности определяются природой реальности, то именно реальность является непогрешимым судьей: если выбор правилен, вознаграждение принадлежит человеку; если он ошибся, единственная жертва — он.

Особенно важно понять различие между врожденной, субъективистской и объективистской теориями ценностей именно в отношении к свободному рынку. Рыночная стоимость товара — это *несущая* ценность, не ценность в себе, подвешенная в вакууме. Свободный рынок никогда не упускает из виду вопрос: *ценность для кого?* Рыночная стоимость товара не отражает его *философски объективную* ценность, она отражает только его *социально объективную* ценность.

Под философски объективной я понимаю ценность с точки зрения наибольшей выгоды для человека, то есть определенную в соответствии с критериями наиболее рационального разума, обладающего наибольшими знаниями в данной области, в данный период времени и в определенном контексте (в неопределенном контексте ничего нельзя определить). Например, можно вполне рационально доказать, что самолет *объективно* представляет неизмеримо большую ценность для человека (человека в зените своих возможностей), чем велосипед; или романы Виктора Гюго *объективно* представляют неизмеримо большую ценность, чем бульварные журналы. Но если интеллектуального потенциала определенного человека едва хватает на бульварную литературу, то зачем ему тратить свой скудный заработок, продукт *своих* усилий на книги, которые он не может читать, или на развитие авиапромышленности, если его транспортные нужды вполне удовлетворяет велосипед? (Точно так же всему остальному человечеству совершенно не обязательно быть на уровне его литературных вкусов, инженерных способностей или доходов. Ценности определяются не декретами и не голосованием.)

Как число приверженцев не является доказательством правильности или ошибочности какой-либо идеи, ценности или никчемности произведения искусства, пользы или бесполезности продукта, так и стоимость товаров и услуг на свободном рынке не обязательно отражает их философски объективную ценность, она лишь представляет их *социально объективную* ценность, то есть сумму индивидуальных решений всех людей, живущих в данный период времени, сумму того, что *они* ценят, — каждый в контексте собственной жизни.

Так, предприниматель, выпускающий губную помаду, может составить большее состояние, чем человек, выпускающий микроскопы, несмотря на то что можно рационально продемонстрировать, что с научной точки зрения ценность микроскопов выше, чем ценность губной помады. Но *ценность для кого?*

Микроскоп не представляет никакой ценности для молоденькой стенографистки, усердно зарабатывающей на жизнь, зато губная помада может представлять очень большую ценность, ведь для стенографистки она означает разницу между уверенностью и неуверенностью в себе, между очарованием и обыденностью.

Однако это не означает, что понятие ценности, правящее свободным рынком, *субъективно*. Если стенографистка истратит все свои деньги на косметику и не сможет при необходимости заплатить за использование микроскопа (например, в ходе медицинского обследования), она научится лучше планировать свой бюджет (свободный рынок играет

образовательную роль), ведь за свои ошибки ей предстоит расплачиваться самой. Если она планирует свой бюджет рационально, микроскоп всегда готов служить ее конкретным нуждам, *но не более того*, никто не требует, чтобы она содержала целую больницу, исследовательскую лабораторию или оплачивала запуск космических кораблей на Луну. Она, конечно, должна взять на себя часть затрат на научные достижения, *но тогда и в той мере, когда и насколько она в них нуждается*. У нее нет обязательств перед обществом, она сама несет ответственность за свою жизнь, и капиталистическая система требует от нее того же, чего требует природа: рациональности, то есть заставляет жить и совершать поступки, принимая оптимальные решения.

В каждой категории товаров и услуг, предлагаемых на свободном рынке, именно те, кто поставяет самые хорошие товары по самой низкой цене, получают самые большие доходы *в своей области* ~не автоматически, не моментально, не по указу, а вследствие достоинств рынка, который учит каждого участника искать *объективно*лучший способ действий и наказывает тех, кто принимает иррациональные решения.

Теперь отметим, что свободный рынок не навязывает людям равенства на минимальном общем уровне, что интеллектуальные критерии большинства не управляют свободным рынком или свободным обществом и что люди исключительные, творцы, интеллектуальные гиганты не сдерживаются большинством. В действительности именно они, меньшинство, подтягивают все свободное общество до уровня своих достижений, поднимаясь выше и выше.

Свободный рынок — это *непрерывный процесс*, который нельзя остановить, процесс движения по восходящей требует самого лучшего (самого рационального) от каждого человека и соответственно вознаграждает его. Пока большинство понемногу осознавало ценность автомобиля, талантливое меньшинство предложило обществу самолет. В условиях свободного рынка большинство учится новому с помощью демонстрации, а меньшинство свободно демонстрирует это новое. Философски объективная ценность нового товара служит образовательным примером тому, кто хочет развивать свои рациональные качества (в пределах своих способностей, разумеется). Гот, кто не хочет этого делать, остается без вознаграждения, так же как и тот, кто выходит за пределы своих способностей. Инертные, иррациональные, субъективистски настроенные люди не властны остановить тех, кто их превосходит.

(Незначительное меньшинство взрослых людей, которые скорее не *могут*, чем не хотят работать, должны полагаться на добровольные пожертвования; несчастье не дает *права*эксплуатировать тех, без кого невозможно было бы выжить. Что касается экономических депрессий и массовой безработицы, то их причина не свободный рынок, а вмешательство правительства в экономику.)

Неспособные самостоятельно мыслить подражатели, которые поставляют на рынок то, что, по их мнению, отвечает распространенным вкусам общества, постоянно проигрывают первопроходцам, чьи товары повышают знания и развивают вкусы. Именно в этом смысле свободным рынком управляют не потребители, а производители. Наибольшего успеха добиваются те, кто открывает новые области производства, о существовании которых до них никто не догадывался.

Возможно, какой-нибудь товар не будет сразу оценен по достоинству, особенно если он окажется слишком радикальным нововведением, но, за исключением отдельных случаев, в конце концов он выигрывает. Именно в этом смысле свободным рынком управляет не интеллектуальный критерий большинства, преобладающий на данный момент, — свободным рынком управляют те, кто способен видеть и планировать будущее, и чем качественнее мышление, тем более длительный период может быть распланирован.

Экономическая ценность деятельности человека определяется на свободном рынке одним

принципом: добровольным согласием тех, кто хочет обменивать свой труд или товары. В этом состоит моральный смысл закона спроса и предложения, это означает полный отказ от двух порочных доктрин: коллективизма и альтруизма. В этом заключается признание того, что человек — не собственность и не слуга племени; *человек работает, чтобы поддерживать свою жизнь*, как требует его природа, и он должен руководствоваться собственными рациональными интересами, и если хочет торговать с другими, то не вправе ожидать каких-либо жертв, то есть не может претендовать на ценности, не давая взамен соответствующих ценностей. Единственный критерий свободного рынка — добровольный выбор свободных участников акта купли продажи.

Племенное мышление постоянно атакует этот принцип с двух кажущихся противоположными точек зрения: считается, что свободный рынок несправедлив как к гению, так и к обычному человеку. Первое возражение обычно формулируется в виде вопроса: «Как Элвис Пресли мог зарабатывать больше, чем Эйнштейн?» Ответ на это прост: люди работают, чтобы жить и наслаждаться жизнью, и если Элвис Пресли для многих представляет ценность, они имеют право тратить свои деньги на свои удовольствия. Богатства Пресли не были отобраны ни у тех, кому безразлично его искусство (я одна из них), ни у Эйнштейна. Пресли не мешает Эйнштейну. Эйнштейн получил заслуженное признание и поддержку в свободном обществе на соответствующем интеллектуальном уровне.

Что касается второго возражения, состоящего в том, что человек средних способностей страдает от несправедливого отношения на свободном рынке, то ответ на это таков: «Посмотрите вокруг, вы, кричащие об опасности конкуренции с людьми умнее вас, уверяющие, что их разум угрожает вашей жизни, что сильные не оставляют шанса слабым на свободном рынке. [...] Живя в рациональном обществе, где люди свободны, вы получаете неизмеримый выигрыш: материальная ценность вашей работы определяется не только вашими усилиями, а усилиями наиболее талантливых умов в мире. [...]

Машина, замороженная форма живого интеллекта, — это сила, расширяющая потенциальные возможности вашей жизни, повышающая производительность вашего времени. [...] Каждый человек свободен вознестись, насколько он может или хочет, по только уровень умственного развития определяет высоту, до которой он может подняться. Физический труд как таковой не простирается в будущее и за пределы ближайшего окружения. Человек, занимающийся только физическим трудом, потребляет материальные ценности, равные его собственному вкладу в процесс производства, и не оставляет никаких ценностей ни себе, ни другим. Но человек, рождаящий идею в любой области рациональных усилий, человек, добывающий новые знания, действует на благо человечества. [...] Только идея может распределиться среди любого количества людей, обогащая ее обладателей и ничего не требуя взамен, повышая их производительность, каким бы трудом они ни занимались. [...]

По отношению к затраченной умственной энергии человек, совершающий открытие, получает лишь небольшой процент компенсации в виде материальной оплаты, независимо от того, какое состояние он на этом делает, сколько миллионов на этом зарабатывает. Но заводской рабочий, участвующий во внедрении изобретения, получает огромную оплату по сравнению с умственными усилиями, которых от него требует его работа. То же рассуждение применимо ко всем людям, находящимся на промежуточных уровнях, соответственно их амбициям и способностям. Человек, стоящий на вершине интеллектуальной пирамиды, вносит наибольший вклад на благо общества, но не получает ничего, кроме материальной оплаты. Он не получает от других никакой интеллектуальной компенсации затрат его времени. Человек, находящийся в самом низу пирамиды, будучи предоставлен самому себе, умер бы с голоду в своей безнадежной непригодности, он не приносит никакой пользы тем, кто находится

выше него, но тем не менее получает вознаграждение в результате их умственной деятельности. Такова природа конкуренции между сильными и слабыми умами. Такова структура эксплуатации, в которой вы обвиняете сильных» («Атлант расправил плечи»).

Такова взаимосвязь капитализма с разумом и выживанием человека.

Прогресс, достигнутый капитализмом в короткий промежуток времени, необыкновенное улучшение условий существования человека на земле — достижение, засвидетельствованное историей. Этого не может скрыть или обойти пропаганда врагов капитализма. Но необходимо особо отметить то, что этот прогресс был достигнут без жертвоприношений.

Прогресса нельзя достичь путем лишений, когда социальная прибыль выжимается из голодающих жертв. Прогресс может прийти только от *индивидуальной прибыли*, то есть от деятельности, энергии, творческого изобилия людей, производящих больше, чем потребляющих, людей, использующих свои интеллектуальные и финансовые ресурсы для поиска нового, улучшения уже известного, движения вперед. В капиталистическом обществе, где люди могут действовать свободно, на свой страх и риск, прогресс не требует жертвовать настоящим во имя отдаленного будущего, он совершается в реальном настоящем, не мешая людям жить и наслаждаться.

Теперь рассмотрим альтернативу — племенное общество, где все люди бросают все свои усилия, ценности, амбиции и цели в общинную заводь или общий котел и затем с голодным взором ждут около него, в то время как вождь с кликой поваров помешивают в котле штыком, прикрываясь грамотой на свободу действий для себя и себе подобных. Примером наиболее последовательного воплощения этой системы является Союз Советских Социалистических Республик.

Полвека назад советские руководители приказали своим гражданам быть терпеливыми, переносить лишения, жертвовать всем ради индустриализации страны, обещая, что все это лишь временное явление, что индустриализация принесет изобилие и советский прогресс поможет перегнать капиталистический Запад.

Сегодня Советская Россия по-прежнему не может накормить свой народ, в то время как ее руководители пытаются скопировать, одолжить или стащить технологические достижения Запада. Индустриализация — это не статичная цель, это динамичный процесс, сопровождающийся высокими темпами устаревания. Несчастные слуги плановой племенной экономики, раньше голодавшие в ожидании электрогенераторов и тракторов, сейчас голодают в ожидании атомной энергии и межпланетных полетов. Таким образом, в «народном государстве» научный прогресс — угроза для людей, и каждое новое достижение заставляет еще больше худеть тело народа.

История капитализма совсем иная.

В Америке изобилие создано не жертвами во имя всеобщего блага, а продуктивным гением свободных людей, которые преследовали личные цели и создавали собственное состояние. Они не заставляли народ голодать ради индустриализации Америки. Изобретая каждый новый станок, делая научное открытие или техническое изобретение, они давали людям лучшую работу, более высокую зарплату, более дешевые товары, и таким образом страна шаг за шагом двигалась вперед, процветая, а не страдая.

Однако не надо путать причину и следствие: благо страны стало возможным именно потому, что его никому не нанизывали как моральную цель или обязанность: оно явилось следствием, а причиной было право человека стремиться к собственному благу. Именно это право, а вовсе не вытекающее из него следствие является моральным оправданием капитализма.

Это право несовместимо ни с врожденной, ни с субъективистской теориями ценностей, то есть ни с альтруистической моралью, ни с: племенной точкой зрения. При рассмотрении

достижений капитализма становится ясно, что разуму и рассудку противостоят альтруистическая мораль и племенная точка зрения; особенно страдает от них разум, занятый проблемами выживания, то есть сама созидательная способность человека.

В то время как альтруизм старается украсть у разума его достижения, утверждая, что моральный долг способных — служить неспособным и жертвовать собой во имя чьих угодно нужд, племенная точка зрения делает следующий шаг: она отрицает существование разума и его роль в создании изобилия.

Рассматривать богатство как анонимный общинный продукт и говорить о его перераспределении — моральная непристойность. Утверждение, что богатство есть результат некоего недифференцированного коллективного процесса, в результате которого получилось нечто, и теперь невозможно сказать, кто именно и что именно сделал, и поэтому необходимо некое уравнильное распределение, — такое утверждение, вероятно, было уместно в первобытных джунглях, где свирепые дикари двигали валуны грубой физической силой (и даже там кто-то должен был собрать всех и организовать эту работу). Придерживаться этой точки зрения в индустриальном обществе, где личные достижения публично засвидетельствованы, — злостное заблуждение, которое и оправдывать-то непристойно, тем более за недостаточностью улик.

Каждый, кто когда-либо был работодателем или работником, кто наблюдал работающих людей или сам честно проработал хотя бы день, знает, насколько важна роль способностей, дисциплины и компетентности разума во всех областях и на всех уровнях производительной деятельности. Он знает, что способности или их отсутствие (естественное или намеренное) в любом производственном процессе — вопрос жизни и смерти. Во всей истории и в ежедневном тяжком труде каждого человека теоретические и практические, логические и эмпирические свидетельства тому настолько очевидны, что вряд ли кто-то может пренебречь ими. Такого рода ошибки не делаются случайно.

Когда великие промышленники наживали состояния на *свободном* рынке (то есть без применения силы, без государственной помощи или вмешательства), они *создавали* новое богатство — они не отбирали его у тех, кто его не создал. Если вы в этом сомневаетесь, посмотрите на валовой национальный доход и уровень жизни в тех странах, где такие люди лишены права на существование.

Рассмотрим, как редко упоминается человеческий разум в работах теоретиков альтруизма, тоталитаризма и сторонников племенной точки зрения. Рассмотрим, как аккуратно сегодняшние защитники смешанной экономики избегают или обходят любое упоминание о разуме и способностях в своем подходе к политико-экономическим вопросам, в своих претензиях, требованиях и наступательной воинственности в деле разграбления валового национального дохода.

Часто задают вопрос: почему капитализм был уничтожен несмотря на его несравнимые ни с чем достижения? Ответ заключается в том, что жизненно важной артерией, питающей любую социальную систему, является преобладающая в культуре философия, а капитализм никогда не имел философской основы. Он был последним и — теоретически — незавершенным продуктом Аристотелева влияния. Когда очередной прилив мистицизма поглотил философию XIX века, капитализм остался в интеллектуальном вакууме, его жизненно важная артерия была перерезана. Его моральная природа, даже его политические принципы не были ни осознаны, ни определены до конца. Мнимые защитники капитализма рассматривали его как понятие, совместимое с государственным контролем (то есть государственным вмешательством в экономику), игнорируя значение и выводы концепции *невмешательства*. Таким образом, в XIX веке на практике существовал отнюдь не чистый капитализм, а сочетание различных

экономических систем. Поскольку контроль породил дальнейший контроль, а смешавшиеся экономические системы успели окаменеть, они неизбежно разрушились, и именно свободный капиталистический элемент взял на себя всю вину за это.

Капитализм не мог выжить в культуре, где главенствовали мистицизм и альтруизм, дихотомия душа — тело и племенная точка зрения. Ни одна социальная система (и ни одна социальная установка, ни один вид человеческой деятельности) не может выжить без моральной основы. Капитализм на основе альтруистической морали обречен изначально.

Если вы хотите выступить в защиту свободного общества, то есть капитализма, следует осознать, что его основой является принцип индивидуальных прав. Если вы хотите отстаивать индивидуальные права, следует осознать, что капитализм — единственная система, которая может поддерживать и защищать эти права. А если вы хотите оцепить, насколько свобода соотносится с мелями сегодняшних интеллектуалов, то следует помнить, что концепция индивидуальных прав искажается, извращается и редко обсуждается (особенно в среде так называемых консерваторов [\[1\]](#)).

Права — это моральная концепция, концепция, которая обеспечивает логический переход от принципов, управляющих действиями индивидуума, к принципам, управляющим его отношениями с другими; концепция, которая сохраняет и защищает индивидуальную мораль в социальном контексте; это связь между моральным кодексом человека и сводом законов общества, между этикой и политикой. *Индивидуальные права являются средством, подчиняющим общество законам морали.*

Каждая политическая система основана на некоем этическом кодексе. Основные этические системы в истории человечества были вариантами альтруистическо-коллективистской доктрины, они требовали от индивидуума подчинения какому-то более высокому авторитету: либо мистическому, либо социальному. Следовательно, большинство политических систем представляли собой варианты все той же государственной тирании и отличались лишь степенью, но не основополагающим принципом, будучи ограничены только случайностью традиции, кровавой борьбы и периодических крахов. Во всех этих системах мораль была кодексом, применяемым к индивидууму, но не к обществу. Общество находилось вне законов морали, являясь их воплощением, или источником, или единственным толкователем — внушение человеку самозабвенной преданности общественному долгу считалось главной целью этики.

Поскольку общества как такового не существует, поскольку общество есть лишь собрание индивидуумов, то на практике правители не подчинялись законам морали; подчиняясь только традиционным ритуалам, они обладали неограниченной властью и требовали слепого подчинения на основании подразумеваемого принципа: «Хорошо то, что хорошо для общества (племени, расы, государства), а указы правителя являются голосом добра па земле».

Это верно для всех систем правления, которые подчиняли человека государству, для всех вариантов альтруистической и коллективистской, мистической и социальной этики. Священное право королей — вот политическая теория альтруистической и коллективистской этики, а формула «Глас народа — глас Божий» лежит в основе мистической и социальной этики. Подтверждение этому — теократия Египта (фараон как воплощение бога); неограниченная власть большинства, или *демократия* в Афинах; государство всеобщего благосостояния, управляемое императорами Рима; инквизиция позднего средневековья; абсолютная монархия во Франции; государство всеобщего благосостояния в Бисмарковой Пруссии; газовые камеры фашистской Германии; бойня в Советском Союзе.

Все эти политические системы были выражением альтруистической и коллективистской этики, а их общей чертой является то, что общество стояло выше законов морали, как всемогущий и верховный поклонник прихоти. Таким образом, с политической точки зрения все эти системы были вариантами *аморальною общества*.

Величайшим революционным достижением Соединенных Штатов Америки было *подчинение общества законам морали*.

Принцип индивидуальных прав человека позволил распространить мораль на социальную систему. Этот принцип ограничил власть государства, защитил индивидуума от стадной силы коллектива, заставил все и вся подчиниться *могуществу права*. Соединенные Штаты стали первым *моральным* обществом в истории.

Все предшествующие системы рассматривали человека как жертвенное средство для достижения целей других, а общество — как самоцель. Соединенные Штаты приняли человека как самоцель, а общество — как средство достижения мирного, упорядоченного, *добровольного* сосуществования индивидуумов. Все предыдущие системы утверждали, что жизнь человека принадлежит обществу, что общество может распоряжаться индивидуумом по своему желанию и что любая из свобод, которыми он пользуется, дарована ему только как милость, как *разрешение* общества и может быть отобрана в любой момент. Соединенные Штаты постановили, что жизнь человека принадлежит ему по *праву* (это морально и естественно), что право — собственность индивидуума, что общество как таковое не имеет никаких прав и что единственное моральное предназначение правительства — защита индивидуальных прав.

Право — моральный принцип, определяющий и санкционирующий свободу действий человека в обществе. Существует только *одно* основополагающее право (все остальные являются его следствиями или выводами): право человека на его собственную жизнь. Жизнь — совокупность действий, имеющих целью самосохранение и самосовершенствование. Право на жизнь означает свободу в реализации этих необходимых разумному существу действий для поддержки, улучшения, удовлетворения и наслаждения собственной жизнью. (В этом заключается истинный смысл права на жизнь, свободу и стремление к счастью.)

Понятие права имеет отношение только к действию, а именно к свободе действия. Оно означает свободу от физического принуждения, давления или вмешательства со стороны других людей.

Таким образом, для каждого человека право — это моральное обоснование свободы действовать по собственному разумению, для достижения собственных целей, по своему *добровольному, сделанному без принуждения* выбору. Что же касается окружающих, то права человека не накладывают на них никаких обязательств, кроме обязательства *отрицательно* свойства: воздерживаться от нарушения прав человека.

Право на жизнь — источник всех прав, а право собственности — единственный способ их осуществления. Без права па собственность невозможны все другие права. Поскольку человек должен поддерживать свою жизнь собственными усилиями, тот, кто не имеет права распоряжаться продуктом своих усилий, не имеет средств для поддержания собственной жизни. Человек, результатами труда которого распоряжаются другие, — раб.

Следует иметь в виду, что право собственности — это право действия, как и все другие права; это не право *обладать предметом*, а право произвести или заработать этот предмет. Оно не гарантирует, что человек *непрерывно* заработает какую-то собственность, а лишь гарантирует, что он будет ею обладать, *если* заработает ее. Это право приобретать, хранить, использовать и распоряжаться материальными ценностями.

Понятие индивидуальных прав настолько ново в истории человечества, что большинство не поняло его до конца по сей день. В соответствии с двумя, этическими теориями — мистической и коллективистской — одни утверждают, что права — дар Божий, другие — что права дарованы обществом. На самом же деле источником прав является природа человека.

В Декларации Независимости сказано, что люди «одарены Создателем определенными неотъемлемыми правами». Неважно, верит ли человек в свое происхождение от Бога или от

Природы, вопрос его происхождения не меняет того факта, что он является специфическим существом — рациональным; что он не может успешно функционировать в обстановке принуждения и что права являются необходимым условием свойственного для него способа выживания.

«Источник человеческих прав — не Закон Божий и не закон конгресса, а закон идентичности. А — это А, а Человек — это Человек. *Права* — это условия существования, которых требует природа человека для его выживания. Если человеку дано жить на земле, ему *положено* использовать свой мозг, *положено* действовать по своему свободному усмотрению, *положено* работать для достижения своих ценностей и оставлять себе продукт своего труда. Если цель человека — жизнь, то он *должен* жить как рациональное существо: природа не позволяет ему иррациональности» («Атлант расправил плечи»).

Нарушать права человека означает заставлять его действовать против собственного рассудка. Экспроприировать принадлежащие ему ценности можно одним путем — применением физической силы. Существуют два потенциальных нарушителя прав человека: преступники и правительство. Огромное достижение Соединенных Штатов состояло в том, что правительству запретили легализовать преступность.

Декларация Независимости гласит: «...для охраны этих прав среди людей учреждаются правительства». Это обеспечило единственное обоснованное оправдание существования правительства и определило его единственное предназначение: защищать права человека, охраняя его от физического насилия.

Таким образом, правительство сменило роль правителя на роль слуги. Правительство учреждено, чтобы защищать человека от преступников, а конституция написана, чтобы защищать человека от правительства. Билль о правах направлен не против частных граждан, а против правительства как яркая декларация того, что индивидуальные права важнее, чем любая общественная или социальная сила.

Результатом стал образец цивилизованного общества. Америка за каких-то сто пятьдесят лет почти достигла этого образца. В цивилизованном обществе запрещено использование силы в человеческих отношениях; в нем правительство, как полицейский, может использовать силу *только* для ответного удара и *только* против тех, кто использовал силу первым.

В этом было основное значение и цель американской политической философии, именно это заложено *поснову* индивидуальных прав. Однако точные формулировки отсутствовали, это положение полностью не принималось и не выполнялось последовательно.

Внутренние противоречия несли Америке альтруистическая и коллективистская этика. Альтруизм не совместим со свободой, капитализмом и индивидуальными правами. Невозможно совместить стремление к счастью с моральным статусом жертвенного животного.

Именно понятие индивидуальных прав положило начало свободному обществу. И именно с уничтожения индивидуальных прав должно было начаться уничтожение свободы.

Коллективистская тирания даже не пытается поработить страну путем открытой конфискации материальных и моральных ценностей. Это достигается путем внутреннего разложения. В материальном мире разорение страны производится путем инфляции, в сфере прав тоже идет процесс инфляции, что мы и наблюдаем сегодня. Этот процесс влечет за собой такое увеличение количества вновь провозглашенных прав, что люди не замечают, как полностью искажается значение самого

понятия. Так же как фальшивые деньги вытесняют подлинные, эти новоиспеченные права отрицают права исходные.

Задумайтесь над странным фактом: никогда не отмечалось такого значительного роста во всем мире двух противостоящих друг другу явлений — так называемых новых прав и рабских

трудовых лагерей.

Весь фокус состоит в перенесении понятия права из политической сферы в экономическую.

Платформа Демократической партии подытожила этот переход в 1960 году ясно и без стеснения. Она заявила, что администрация демократов «вновь подтвердит Билль об экономических правах, который Франклин Рузвельт вписал в паше национальное сознание шестнадцать лет назад».

Постарайтесь четко представить себе значение концепции *прав*, когда вы читаете список, предложенный этой платформой.

«1. Право на полезную и хорошо оплачиваемую работу в промышленности или в мастерских, на фермах или на шахтах страны.

2. Право зарабатывать достаточно, чтобы обеспечивать необходимую еду, одежду, развлечения.

3. Право каждого фермера выращивать и продавать товар при таком доходе, который обеспечит ему и его семье достойное существование.

4. Право каждого бизнесмена, крупного или мелкого, вести дела в условиях свободы от нечестной конкуренции и доминирования монополий как в своей стране, так и за ее пределами.

5. Право каждой семьи на хорошее жилище.

6. Право на адекватное медицинское обслуживание и возможность иметь хорошее здоровье.

7. Право быть достаточно защищенным от экономических опасностей в связи со старостью, болезнью, несчастными случаями и безработицей.

8. Право на хорошее образование».

Если к каждому из приведенных выше положений добавить один-единственный вопрос: «За чей счет?», станет понятно, о чем я говорю.

Работа, еда, одежда, развлечения (!), жилье, медицинское обслуживание, образование и т. д. не растут на деревьях. Это рукотворные ценности — товары и услуги, произведенные человеком. Кто должен ими обеспечивать?

Если кому-то принадлежит *право* пользоваться продуктом труда других, это означает, что эти другие лишены прав и обречены на рабский труд.

Каждое так называемое право одного человека, которое требует нарушения прав другого, не является и не может быть правом.

Ни у кого не может быть права налагать на другого насильственное обязательство, вознаградимую обязанность или недобровольное рабство. Не может быть *права порабощать*.

Право не может осуществляться силами другого человека; оно включает в себя лишь свободу добиваться такого осуществления собственными усилиями.

Имея в виду все это, обратите внимание, как точны были отцы-основатели [\[2\]](#): они говорили о праве *стремиться* к счастью, а не *оправе* на счастье. Это значит, что человек имеет право предпринимать шаги, которые считает необходимыми для достижения счастья: это не означает, что другие должны сделать его счастливым.

Право на жизнь означает, что человек имеет право поддерживать свою жизнь своим трудом (на любом экономическом уровне, обеспеченном его способностями); это не значит, что другие должны обеспечивать его жизненные потребности.

Право собственности означает, что человек имеет право предпринимать экономические действия, необходимые для приобретения собственности, использовать эту собственность и распоряжаться ею; это не значит, что другие должны обеспечить его собственностью.

Право на свободу слова означает, что человек имеет право выражать свои идеи без опасности подавления, вмешательства и карательных действий со стороны правительства. Это

не значит, что другие должны предоставить ему аудиторию, радиостанцию или печатный станок, с помощью которых он сможет выражать свои идеи.

Любое предприятие, которое предполагает участие более чем одного человека, должно осуществляться с *добровольного* согласия каждого из участников. Каждый из них имеет *право* принимать собственные решения, по никто не имеет права навязывать свои решения другим.

Не существует «права на работу» — существует только право на свободную торговлю, а именно: право человека начать работу, если другой человек решит его нанять. Не существует «права на жилище», существует только право на свободную торговлю: право построить или купить дом. Не существует «права на справедливую оплату или справедливую цену», если никто не хочет ее платить, не хочет нанимать человека или покупать его товар. Не существует прав потребителей на молоко, туфли, кино или шампанское, если никто не захочет производить эти товары (есть только право самому начать их изготовление). Не существует прав особых групп, не существует прав фермеров, рабочих, бизнесменов, служащих, нанимателей, прав стариков, молодых и еще не родившихся. Существуют только *права человека* — права, которые имеет каждый человек и *вселюди* как отдельные индивидуумы.

Право собственности и право на свободную торговлю — единственные экономические права человека (которые на самом деле являются *политическими* правами), и не может быть такой вещи, как Билль об *экономических* правах. Однако обратите внимание, что защитники такого билля почти уничтожили политические права.

Помните, что права являются моральными принципами, определяющими и защищающими свободу действий человека, но права не накладывают никаких обязательств на других людей. Частные граждане не создают угрозы правам и свободам друг друга. Частный гражданин, который прибегает к использованию физической силы и нарушает права других, — преступник, и от него люди должны быть защищены юридически.

Преступники составляют незначительное меньшинство в любые времена, в любой стране. И урон, который они нанесли человечеству, весьма незначителен по сравнению с ужасами кровопролития, войн, преследований, конфискаций, по сравнению с голодом, порабощением, массовыми разрушениями, в которых повинны правительства. Потенциально правительство представляет самую большую угрозу правам человека: оно имеет юридическую монополию на применение физической силы против юридически безоружных жертв. Когда правительство не ограничено и не стеснено рамками индивидуальных прав, оно является злейшим врагом человека. И Билль о правах создан не как защита от действий *частных* лиц, а как защита от действий правительства.

А теперь рассмотрим процесс, который разрушает эту защиту.

Процесс состоит в том, что частным гражданам приписывают специфические нарушения, которые конституцией запрещено совершать правительству (и которые частный гражданин не может совершить, так как не обладает достаточной властью), таким образом освобождая правительство от всех ограничений. Эта подмена становится все более явной в области свободы слова. Коллективисты годами распространяли идею о том, что отказ частного лица финансировать своего оппонента есть нарушение свободы слова этого оппонента и акт цензуры.

Они обвиняют в цензуре газету, если она не приглашает к сотрудничеству и не публикует авторов, чьи взгляды диаметрально противоположны ее политике.

Они обвиняют в цензуре бизнесменов, если они отказываются помещать свою рекламу в журнале, который осуждает, оскорбляет и порочит их.

Они обвиняют в цензуре спонсора телепрограммы, если он возражает против чего бы то ни было в программе, которую финансирует, — как, например, в случае с Альгером Хиссом, когда

его пригласили осудить бывшего вице-президента Никсона.

Есть еще Ньютон Н. Миноу, который заявляет: «Цензура проявляется через оценку программы, через рекламные компании, телеканалы, местные телестанции, которые отказываются от программ, предложенных для их районов». И это тот самый Миноу, который угрожает лишением лицензии станциям, не согласным с его взглядами на содержание программ. Он утверждает, что *этого* цензура.

Рассмотрим, к чему это может привести.

Цензура — термин, относящийся только к правительственным действиям. Никакое действие частного лица нельзя назвать цензурой. Частное лицо или агентство не могут запретить человеку высказываться или запретить какую-либо публикацию — только правительство может это сделать. Свобода слова частного лица включает право возражать другим, не слушать, не финансировать противников.

Но в соответствии с Биллем об экономических правах человек не имеет права распоряжаться своей собственностью, руководствуясь собственными убеждениями, — он должен отдавать свои деньги Лез разбора любому оратору или пропагандисту, который по атому закону имеет право на его собственность.

Это означает, что необходимость обеспечивать материальные средства для выражения чужих идей лишает человека права иметь свои идеи. Это означает, что издатель должен печатать книги, которые он считает никчемными, лживыми или вредными, что телевизионный спонсор должен финансировать комментаторов, которые выступают против его убеждений, что владелец газеты должен отдать первую полосу любому молодому хулигану, который бурно требует порабощения прессы. Это означает, что одна группа людей приобретает право на вседозволенность, в то время как права другой сводятся к невольной беззащитности.

Но в связи с тем, что явно невозможно предоставить каждому претенденту работу, микрофон или газетную полосу, кто будет распределять экономические права и выбирать, кому достанутся эти права, если право на выбор отобрано у владельцев? Мистер Миноу указал на *это* вполне четко.

И если вы по ошибке думаете, что все это относится только к крупным собственникам, я предлагаю вам задуматься над тем, что теория экономических прав включает и право несостоявшегося драматурга, каждого поэта-битника, каждого композитора — творца шумов и каждого необъективного художника (с политическими связями) на финансовую поддержку, которой вы их лишили, не ходя па их представления. В чем еще смысл предложения тратить ваши налоги на субсидирование искусства?

И пока народ кричит об экономических правах, концепция политических прав отрицается. Уже забыто, что свобода слова означает свободу защищать свое мнение и нести бремя всех последствий этого, включая разногласия с другими, возражения, непопулярность и отсутствие поддержки. Политические функции права свободы слова состоят в том, чтобы защищать инакомыслящих и непопулярное меньшинство от угнетения большинством, а не в том, чтобы гарантировать им поддержку, преимущества и популярность, которых они не заработали.

Билль о правах гласит: «Конгресс не может издать закон [...], ограничивающий свободу слова или печати [...]». Он не требует, чтобы частные граждане обеспечивали микрофоном человека, который выступает за их уничтожение, давали ключ человеку, намеревающемуся ограбить их дом, или нож убийце, который хочет перерезать им горло.

Таково состояние одной из наиболее важных сегодняшних проблем: *политические* права против прав *экономических*. Вопрос стоит: или — или. Одно уничтожает другое. Но по существу нет экономических прав, нет коллективных прав, нет общественных прав. Термин «индивидуальные права» избыточен: не существует никаких других прав, и никто не может

иметь никаких других прав.

Защищают права человека только те, кто пропагандирует капитализм свободной конкуренции.

III

СУЩНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Правительство — это институт, который имеет исключительную власть *требовать исполнения* определенных правил поведения в данной географической местности.

Нужен ли людям такой институт и зачем?

Так как мозг человека — это основной инструмент, обеспечивающий его выживание, средство приобретения знаний, направляющих действия, то основное необходимое условие — свобода думать и поступать по своему рациональному разумению. Это не значит, что человек должен жить один и что необитаемый остров — лучшая среда существования для него. Люди извлекают огромную пользу из общения друг с другом. Социальная среда в высшей степени благоприятна для успешного существования, но *только при определенных условиях*.

«Две великие ценности можно извлечь из общественного существования — это знания и торговля. Человек — единственное живое существо, которое может расширять и передавать объем своих знаний из поколения в поколение; объем знаний, потенциально доступный человеку, намного превышает то, что он может познать за свою жизнь; каждый человек извлекает неограниченную пользу из знаний, накопленных другими. Второе великое преимущество — разделение труда: оно позволяет человеку сконцентрировать свои усилия в определенной области и обмениваться с теми, кто специализируется в других областях. Такая форма кооперации позволяет всем, кто принимает в ней участие, приобрести больше знаний, навыков и увеличить производительность своего труда по сравнению с жизнью на необитаемом острове или на ферме с полным самообеспечением.

Однако эти же преимущества указывают, разграничивают и определяют, какие именно люди могут приносить пользу друг другу и в каком именно обществе: только рациональные, продуктивно работающие и независимые люди в рациональном, созидательном, свободном обществе». («*Этика объективиста*», «*Нравственность эгоизма*».)

Общество, которое отбирает у индивидуума продукты его труда, поработает его, пытается ограничить свободу его мысли или заставляет его действовать против его собственного рационального разума, общество, которое создает конфликт между своими указами и требованиями человеческой природы, строго говоря, не является обществом, это толпа, которая держится вместе на основе официально закрепленных правил бандитской шайки. Такое общество разрушает все ценности человеческого сосуществования, не имеет оправдания и является не источником выгоды для человека, а смертельной угрозой его выживанию. Жизнь на необитаемом острове безопаснее и несравненно предпочтительней, чем существование в Советской России или нацистской Германии.

Если людям дано жить в мирном, высокоразвитом рациональном обществе и иметь дело друг с другом со взаимной выгодой, они должны принять основной социальный принцип, без которого никакое моральное, цивилизованное общество невозможно, — принцип индивидуальных прав.

Признать индивидуальные права — значит признать условия, необходимые для выживания человека в соответствии с его природой, и согласиться с ними.

Права человека можно нарушить только путем использования физической силы. Только с помощью физической силы один человек может лишить другого жизни, поработить, ограбить, помешать выполнению его целей или заставить его действовать вопреки своим рациональным представлениям.

Необходимое условие существования цивилизованного общества — исключение физической силы из социальных отношений, таким образом устанавливается принцип: если люди хотят общаться друг с другом, они могут делать это, руководствуясь *разумом*, то есть посредством дискуссий, убеждения и добровольного согласия.

Непременное следствие права на жизнь — это право на самооборону. В цивилизованном обществе силу можно использовать только в ответ на применение силы и только против тех, кто начинает ее использование. Все те причины, которые делают злом использование силы первым, возводят силу для ответного удара в ранг моральной необходимости.

Если бы какое-нибудь «пацифистское» общество отказалось от использования силы для ответного удара, оно осталось бы беззащитным перед лицом первого же разбойника, который решит вести себя аморально. Такое общество, вместо того чтобы уничтожать зло, вынуждено будет поощрять и вознаграждать его.

Если общество не обеспечивает организованной защиты от использования силы, оно обрекает каждого гражданина на необходимость носить оружие, превратить свое жилище в крепость, стрелять в каждого незнакомца, подходящего к двери, или вступать для самозащиты в банду, которая будет бороться с другими бандами, сформированными для той же цели. Таким образом общество пришло бы к вырождению, к хаосу, к постоянной междоусобной войне, к доисторической дикости.

Использование физической силы даже в качестве ответного удара не может быть отдано на усмотрение отдельных граждан. Мирное сосуществование невозможно, если человек вынужден жить под постоянной угрозой использования против него силы любым соседом, в любой момент. Хороши или плохи намерения соседей, рациональны они или нерациональны, вызваны чувством справедливости или невежеством, предрассудками и злобой, — вопрос об использовании силы против человека не может быть отдан на откуп другому человеку.

Представьте себе, например, что случится, если человек, обнаружив пропажу бумажника, решит, что его обокрали, и станет врываться во все дома в округе, чтобы найти бумажник, или застрелит первого же человека, который косо на него посмотрит, приняв этот взгляд за подтверждение виновности.

Ответное использование силы требует *объективных* правил, устанавливающих, что преступление было совершено, *доказательств* против того, кто его совершил, а также *объективных* правил установления наказания и наблюдения за претворением его в жизнь. Люди, которые пытаются наказывать за преступление без особых правил, — просто толпа, устраивающая самосуд. Если общество отдаст право на ответное использование силы в руки частных граждан, в нем начнут править банды, суд линча, и в конце концов установится бесконечная кровная месть.

Чтобы исключить из социальных отношений использование физической силы, необходим некий институт, задачей которого будет защита нрав при помощи *объективного* кодекса.

Именно в *этом* состоит задача правительства — *настоящего* правительства, это его основное дело, его единственное моральное оправдание, единственная причина, по которой людям необходимо правительство.

Правительство — это средство установления *объективного* контроля над ответным использованием физической силы, то есть контроля с помощью объективно установленных законов.

Основное различие между действием частного лица и действием правительства, различие, которое не принимают во внимание сегодня, основывается на том, что правительство обладает монополией на легальное использование физической силы. Эта монополия необходима, потому что правительство одновременно является и элементом сдерживания силы; по этой же причине

его действия должны быть четко определены, ограничены и очерчены; они должны полностью исключать прихоть и каприз; это должен быть робот, действия которого мотивируются только законами. Для существования свободного общества необходим контроль над правительством.

В нормальной социальной системе частное лицо с точки зрения закона свободно предпринимать любые действия (если при этом не нарушает прав других), в то время как государственный служащий в своих официальных действиях связан рамками закона. Индивидуум может делать все что угодно, кроме того, что *запрещено* законом; государственный служащий может делать только то, что *разрешено* законом.

Это способ подчинения власти праву. В этом состоит американская концепция: правительство правит с помощью законов, а не людей.

Сущность законов, приемлемых для свободного общества, и источник авторитета правительств в таком обществе выводится из сущности и задач надлежащего правительства. Основной принцип для обоих обозначен в Декларации Независимости: «Чтобы охранять эти (индивидуальные) права, люди учреждают правительства, черпая свою справедливую власть из согласия подвластных...»

Поскольку единственным предназначением правительства является защита индивидуальных прав, к этому сводится и законодательная деятельность: все законы должны быть основаны на индивидуальных правах и направлены на их защиту. Все законы должны быть *объективными* (и объективно оправданными): перед тем как совершить любое действие, человек должен точно знать, *что закон запрещает* (и почему), *что является преступлением* и какое наказание он понесет, совершив его.

Источник авторитета правительства — «согласие подвластных». Это означает, что правительство не *властелин*, а слуга, или *исполнитель воли* граждан; это значит, что правительство само по себе не имеет прав, кроме тех, что *данному* гражданами для определенных целей.

Существует только один основополагающий принцип, с которым индивидуум должен согласиться, если он хочет жить в свободном цивилизованном обществе: принцип отказа от использования физической силы и передачи правительству своего права физической самообороны для того, чтобы обеспечить упорядоченное, объективное, легально обоснованное исполнение законов. Или, другими словами, индивидуум должен признать *разделение силы и прихоти* (любой прихоти, включая его собственную).

Что же происходит в случае расхождения мнений двух людей по одному вопросу?

В свободном обществе людей не принуждают иметь дело друг с другом. Они делают это только на основе самостоятельного решения или, если речь идет об определенном отрезке времени, через *контракт*. Произвольное нарушение контракта одним человеком может принести катастрофические финансовые потери другому, и у пострадавшего не будет другого выхода, кроме как захватить собственность обидчика в качестве компенсации. И вновь использование силы не может быть передано на усмотрение частного лица. Из этого следует одна из наиболее важных и сложных функций правительства: функция арбитра, разрешающего споры между людьми в соответствии с объективными законами.

Преступники составляют незначительное меньшинство в любом цивилизованном обществе, но защита и обеспечение выполнения договорных условий через гражданские суды является настоящей необходимостью в мирном обществе; без такой защиты невозможно развивать и поддерживать цивилизацию.

Человек, в отличие от животного, не может выжить, сообразуя свои действия только с текущим моментом. Человеку необходимо ставить цели и достигать их в течение какого-то времени, он должен рассчитывать свои действия и планировать свою жизнь. Чем выше его ум,

тем дальше он смотрит вперед. Чем выше, чем сложнее цивилизация, тем более она вовлечена в долгосрочные действия — а долгосрочными являются договорные соглашения между людьми, потому что все большей потребностью становится обеспечение безопасности таких соглашений.

Даже примитивное общество, основанное на натуральном обмене, не может функционировать, если человек согласится обменять мешок картошки на корзину яиц и, получив яйца, откажется отдать картошку. Представьте себе подобные основанные на прихоти отношения в индустриальном обществе, где поставляются в кредит товары на миллиарды долларов, заключаются многомиллионные контракты на строительство или договора об аренде земли на девяносто девять лет.

Одностороннее расторжение контракта подразумевает использование физической силы: по существу, один человек получает материальные ценности, товары или услуги от другого, а потом отказывается платить за них и, таким образом, удерживает их силой (путем физического присвоения), а не по праву, то есть оставляет у себя без согласия владельца. Мошенничество предполагает сходное косвенное использование силы: оно состоит в присвоении материальных ценностей без согласия их владельца под лживым предлогом или с лживыми обещаниями. Еще один вариант косвенного использования силы — вымогательство, оно состоит в присвоении материальных ценностей не в обмен, а под угрозой насилия.

Некоторые из этих действий являются явно преступными. Другие, такие, как одностороннее расторжение контракта, могут не иметь преступной мотивировки, но вызваны безответственностью и иррациональностью. Есть еще и третьи, которые являются сложными случаями и требуют восстановления справедливости для обеих сторон. Но в чем бы ни состояло дело, все эти случаи должны подчиняться объективным законам, их должен разрешать беспристрастный арбитр, который проводит законы в жизнь, то есть судья (и суд присяжных в случае необходимости).

Отметим основной принцип справедливости во всех этих случаях; этот принцип состоит в том, что никто не имеет права присваивать ценности, принадлежащие другим, без их согласия — и как вывод: права человека нельзя оставлять на милость одностороннего решения, произвольного выбора, иррациональности и *прихоти* другого человека.

Таково, по существу, предназначение правительства: сделать возможным социальное существование людей, защищая полезное и искореняя вредное в их взаимоотношениях.

Подлинные функции правительства распадаются на три большие категории, каждая из которых включает вопрос использования физической силы и защиты прав человека: *полиция* — для защиты от преступников; *вооруженные силы* — для защиты от иноземных захватчиков; *суд* — для разрешения конфликтов между людьми в соответствии с объективными законами.

Эти три категории включают множество проблем, и претворение их в жизнь в форме определенного законодательства — невероятно сложное дело. Все это находится в ведении определенной науки — философии права. В ходе практического применения этой дисциплины возможны и ошибки, и разногласия, но в данном случае важно выполнение основного принципа: цель государства и права — защита индивидуальных прав.

Сегодня этот принцип забыт, он игнорируется и не принимается во внимание. Результат — нынешнее состояние мира, возврат человечества к беззаконию и абсолютной тирании, к первобытной дикости и торжеству грубой силы.

Бессознательно выступая против этой тенденции, некоторые задают вопрос: не является ли правительство злом по своей природе, не является ли анархия идеальной социальной системой? Анархия как политическая концепция — это наивная абстракция: по высказанным выше причинам, общество, не имеющее правительства, сдается на милость первого попавшегося бандита, который приведет его к хаосу междоусобной войны. Но человеческая аморальность —

не единственное возражение против анархии: даже общество, все граждане которого вполне рациональны и высоко моральны, не может функционировать в условиях анархии; потребность в объективных законах и законодателе для разрешения частных конфликтов между людьми делает необходимым образование правительства.

Последним вариантом анархистской теории, одурманившим молодых защитников свободы, стала странная и абсурдная идея под названием «Конкурирующие правительства». Принимая основные предпосылки современных защитников государственности, которые не видят различия между функциями правительства и промышленности, между силой и производством, которые защищают право государства на предпринимательство, сторонники конкурирующих правительств обратились к другой стороне этой медали и говорят, что, поскольку конкуренция так благоприятна для бизнеса, ее следует применить и к правительству. Они заявляют, что вместо одного правительства, обладающего монополией на власть, необходимо иметь несколько правительств на одной территории, пытающихся завоевать расположение частных граждан; при этом каждый гражданин волен выбирать и поддерживать любое правительство.

Следует помнить, что единственная услуга, которую может предложить правительство, — насильственное ограничение действий индивидуума. Задайте себе вопрос, что может означать конкуренция в насильственном ограничении.

Эту идею нельзя свести к терминологическим противоречиям, так как совершенно очевидно, что она не имеет отношения ни к конкуренции, ни к правительству. Нельзя назвать ее и плавающей абстракцией, так как она не связана с реальностью и ее в принципе нельзя конкретизировать — даже грубо или приблизительно. Достаточно одного примера. Предположим, мистер Смит, выбравший правительство А, подозревает, что его сосед мистер Джонс, выбравший правительство Б, обокрал его; наряд полиции А направляется к дому мистера Джонса, где его встречает наряд полиции Б, который не считает жалобу мистера Смита правомочной и не признает авторитет правительства А. Что происходит дальше? Можете представить себе сами.

Эволюция понятия «правительство» имеет длинную, мучительную историю. Некоторый отголосок функций правительства, кажется, существовал в любом организованном обществе, проявляясь в признании некоего внутреннего (возможно, не всегда реального) различия между правительством и шайкой бандитов — в ореоле уважения и морального авторитета, данного правительству как хранителю «законности и порядка», в том факте, что даже самое порочное по форме правительство считало своим долгом поддерживать подобие порядка и претендовать на справедливость, пусть даже в силу привычки и традиции, и пыталось найти моральное оправдание своему правлению — либо мистического, либо социального характера. Как абсолютным монархам Франции приходилось прибегать к Священному праву королей, так современным диктаторам в Советской России приходится тратить огромные средства на пропаганду для оправдания своего правления в глазах поработанных подданных.

Понимание действительной функции правительства ново в истории человечества, ему только двести лет, оно сформулировано отцами-основателями. Они не только определили сущность и потребности свободного общества, но и придумали способ претворить его в жизнь. Свободное общество, как и любой другой плод человеческой деятельности, не может быть создано случайными средствами, только благодаря сильному желанию или благим намерениям правителей. Чтобы сделать общество свободным и *сохранять его свободным*, необходима сложная юридическая система, базирующаяся на объективно обоснованных принципах, не зависящая от побуждений, морали и намерений любого отдельного официального лица; система, не оставляющая никакой возможности, никакой юридической уловки для развития тирании. Американская система контроля и равновесия была именно таким достижением. И

хотя некоторые противоречия в конституции все-таки оставляли лазейку для чрезмерного усиления государственности, несравнимым достижением была концепция конституции как средства ограничения и обуздания власти правительства.

Сегодня, когда все это пытаются свести на нет совместными усилиями, необходимо как можно чаще напоминать, что конституция ограничивает в действиях правительство, а не граждан; что она предписывает правила поведения не частному лицу, а правительству; что это *не хартия правительственной власти*, а хартия, защищающая граждан от правительства.

Теперь рассмотрим, насколько противоположны ставшие преобладающими взгляды на правительство с точки зрения морали и политики. Из защитника прав человека правительство становится самым опасным их нарушителем; вместо того чтобы охранять свободу, правительство устанавливает рабство; вместо того чтобы защищать людей от тех, кто использует физическую силу, правительство само первым использует силу и принуждение, как ему вздумается; вместо того чтобы служить инструментом *объективности* человеческих отношениях, правительство создает царство неуверенности и страха с помощью необъективных законов, интерпретация которых отдана на милость случайных решений бюрократов; вместо того чтобы защищать людей от чужой прихоти, правительство присваивает право неограниченной прихоти себе — и таким образом мы быстро приближаемся к стадии, когда правительство *вольноделает* все что хочет, в то время как граждане могут действовать только с его *разрешения*; и это стадия наиболее темного периода в истории человечества, стадия власти грубой силы.

Часто отмечалось, что, несмотря на материальный прогресс, человечество не достигло сколько-нибудь сопоставимого с ним уровня морального прогресса. Обычно за этим замечанием следует пессимистическое заключение о природе человека. Совершенно справедливо, что моральный уровень человечества безобразно низок. Но если принять во внимание невероятную смену моральных ориентации в правительствах (что стало возможным из-за альтруистическо-коллективистской морали), с которыми людям приходилось существовать большую часть своей истории, то остается только удивляться, как людям удалось сохранить хотя бы подобие цивилизации и какой несокрушимый остаток собственного достоинства заставлял их ходить на ногах, а не ползать на четвереньках.

При этом отчетливо понимаешь сущность политических принципов, которые нужно принять и защищать как часть борьбы за интеллектуальное возрождение человека.

IV

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ РЕЛИГИИ

Чувствуя необходимость в моральной основе, многие консерваторы решили избрать в качестве своего морального оправдания *религию*. Они утверждают, что Америка и капитализм основаны на вере в Бога. С политической точки зрения такое утверждение противоречит принципам, лежащим в основе Соединенных Штатов: в Америке религия — частное дело и не может стать частью политики.

С интеллектуальной точки зрения основывать свои выводы на *вере* — значит согласиться, что доводы разума на стороне противников и им нет рациональной альтернативы. Утверждение консерваторов, что их позиция основана на вере, означает отсутствие обоснованных аргументов в поддержку американской системы, отсутствие разумного оправдания свободы, справедливости, собственности, индивидуальных прав личности; означает, что все это основано на божественном откровении и может быть принято только *на веру*, и хотя с точки зрения разума и логики прав противник, надо сохранять веру, так как вера превышает разум.

Рассмотрим, что несет в себе такая теория. В то время как коммунисты утверждают, что они представители разума и науки, консерваторы отступают и прячутся в царство мистицизма, веры и сверхъестественных сил, в некий иной мир, отдавая *реальный* мир коммунистам. Такой победы иррациональная коммунистическая идеология никогда не смогла бы одержать собственными усилиями.

Теперь обратимся к результатам. Когда Хрущев впервые приехал в Америку, во время приема, который транслировался по телевидению, он заявил, что собирается *похоронить* нас, так как «научно» доказано, что коммунизм — политическая система будущего, которой предначертано править миром. Что же на это ответил наш оратор? Мистер Генри Кабот Лодж сказал, что наше общество основано на вере в Бога. Перед приездом Хрущева лидеры консерваторов, включая сенаторов и представителей Белого дома, выступали с возмущенными протестами против его визита, но единственной акцией, которую они предлагали американскому народу, единственной формой протеста была молитва и панихида по хрущевским жертвам. И если представители самой мощной державы в мире, страны, которая якобы предана борьбе за свободу, предложили *молитву* в качестве единственного оружия — этого достаточно, чтобы дискредитировать Америку и капитализм как у себя в стране, так и за границей.

V ИНДИВИДУАЛИЗМ

Этот небольшой роман был впервые опубликован в Англии в 1938 году. Его тема — значение «эго». Действие переносит нас в общество будущего, где царит абсолютный коллективизм со всеми вытекающими из него последствиями: люди впали в примитивное варварство и застои; слово «я» исчезло из языка, нет местоимений единственного числа, о себе человек говорит «мы», а о другом — «они». Герой романа, человек, наделенный сильным разумом, открывает для себя значение слова «я». Отрывок из романа — часть монолога героя, посвященного этому открытию.

Я существую. Я мыслю. Я желаю...

Что я должен сказать еще? Эти слова. Это ответ.

Я стою здесь, на вершине горы. Я поднимаю голову, я простираю руки. Это мое тело и мой дух, это конец поисков. Я хотел познать суть вещей. Я сам есть эта суть. Я хотел найти оправдание существованию. Моему существованию не нужно оправдания, не нужно официального разрешения на существование. Я сам себе оправдание и разрешение...

Может быть, земля, на которой я стою, — центр мироздания, а может, лишь маленькая пылинка, затерянная в вечности. Я не знаю, и мне это безразлично. Зато я знаю, какое счастье могу испытать на этой земле. И мое счастье не нуждается в более высокой цели для оправдания себя. Мое счастье — не средство достижения какой-то цели. Оно само цель. Предмет стремления. Самоцель.

Точно так же и я не средство для каких-то целей, поставленных другими людьми. Я не орудие в их руках. Я не слуга для исполнения их желаний. Я не повязка для их ран. Я не жертва на их алтаре...

Я ничего не должен моим братьям, но и от них не жду жертв. Я никого не прошу жить для меня, но и сам не живу для других. Я не жажду ничьей души, но и моя душа создана не для их прихоти.

Я не враг и не друг братьям моим, для каждого из них я — то, что каждый из них заслужил. Чтобы заслужить мою любовь, братьям моим недостаточно просто родиться. Я не раздаю свою любовь просто так, не отдаю ее случайному прохожему по первому требованию. Я чту людей своей любовью. А честь надо заслужить.

Я выберу себе друзей среди людей, а не среди рабов или господ. И я выберу только тех, кто мне приятен, их я буду любить и уважать, но не стану ни командовать ими, ни повиноваться им. Мы соединим наши руки, когда захотим, или, если пожелаем, пойдем порознь. Ибо в храме духа своего каждый одинок. И пусть каждый хранит свой храм неоскверненным и незапятнанным. И пусть соединится с другими, если хочет, но только за пределами своего святого порога.

А слово «мы» да не будет произносимо, кроме как по личному выбору и обдуманно. Это слово нельзя ставить первым в душе человека, в противном случае оно становится чудовищем, корнем всех зол на земле, причиной пыток одного человека другим и невысказанной лжи.

Слово «мы» — это известь, вылитая на людей, которая застывает и твердеет, как камень, и подавляет все, так что и белое, и черное равно теряются в его серости. С помощью этого слова порочные крадут добродетель у непорочных, слабые крадут мощь у сильных, дураки крадут мудрость у мудрецов.

Что моя радость, если любые руки, даже нечистые, могут дотронуться до нее? Что моя мудрость, если даже дураки могут править мною? Что моя свобода, если даже прокаженные и бессильные — мои господа? Что моя жизнь, если я могу только склоняться, соглашаться и повиноваться?

Но я покончил с этим вероисповеданием порчи.

Я покончил с чудовищным «мы» — именем рабства, грабежа, страдания, лжи и стыда.

И теперь я вижу лицо бога, я возношу этого бога над землей — того бога, которого люди искали с тех пор, как появились на свет, того бога, который даст им радость, мир и гордость.

Этот бог — одно слово: «Я».

Часть вторая. «Мы — живые»

Повесть опубликована в 1937 году и переиздана в 1959-м. Ее тема — человек против государства; высшая ценность человеческой жизни и зло тоталитарного государства, утверждающего свое право жертвовать личностью. Действие разворачивается в Советской России. Отрывок из повести — монолог Киры Аргуновой, обращенный к Андрею Таганову. Кира вступила в связь с Андреем, чтобы спасти жизнь Льва Коваленского, которого любила. Андрей, влюбленный в нее молодой коммунист-идеалист, начинает осознавать важность личных ценностей, когда после ареста Льва за политическое преступление узнает правду об отношениях Киры с ними обоими.

Ты не знал. Хотя все было очень просто и довольно обыденно. Пройдись по забитым людьми чердакам и подвалам ваших красных городов и ты обнаружишь множество подобных случаев. Он хотел жить. Ты считаешь, что все живое имеет право на жизнь? Я знаю, что для тебя это ново. Но он из тех, кто должен был жить. Таких немного, и вы не берете их в расчет. Врач сказал, что он умрет. А я любила его. Теперь и ты знаешь, что это значит, не так ли? Ему нужно было совсем немного. Только покой, свежий воздух и хорошее питание. Неужели он не имел на это права? Твое государство сказал «нет». Мы просили. Мы унижались, умоляли. Знаешь, что они сказали? Врач в больнице сказал, что сотни стоят на очереди...

Ты должен это понять. Никто не понимает. Никто не видит этого, кроме меня, а я ничего не могу поделать. Я вижу это, и ты тоже должен прозреть, понимаешь? Сотни. Тысячи. Миллионы. Миллионы чего? Желудков, голов, ног, языков и душ. Даже не имеет значения, составляют ли эти части целое. Просто миллионы. Просто плоть.

Человеческая плоть, зарегистрированная и пронумерованная, как консервные банки на магазинных полках. Интересно, их принимают поштучно или на вес? И у них была возможность жить. А у Льва не было. Он был всего лишь человек. Вы признаете только булыжники для мостовой. А бриллианты бесполезны, они слишком ярко блестят на солнце, это режет глаза, слишком тверды для сапог, марширующих к пролетарскому будущему. Дороги не мостят бриллиантами. Им находят достойное применение, но ты этого не знаешь. Вот почему вы приговорили к смерти его и других таких, как он. Там был такой важный комиссар, и я пошла к нему. Он сказал мне, что сотни тысяч рабочих погибли на гражданской войне, так почему бы одному аристократу не умереть за Союз Советских Социалистических Республик? Что такое Союз Советских Социалистических Республик в сравнении с личностью человека? Но это вопрос не для тебя. Я благодарна тому комиссару. Благодаря ему я смогла сделать то, что сделала. Я не ненавижу его. Это ты должен ненавидеть его. То, что я сделала с тобой, сначала сделал он.

Вот в чем вопрос: почему бы одному аристократу не умереть за Союз Советских Социалистических Республик? Тебе этого не понять. Ты, и твои великие комиссары, и миллионы других таких, как ты, как они, вот что вы принесли миру. Неплохой подарок! Но один из вас уже получил по заслугам. Я оплатила тебе за все то горе, что причинили твои товарищи. Как тебе это нравится, товарищ Таганов, член Всесоюзной Коммунистической партии? Вы учили, что наша жизнь ничто по сравнению с государством, — почему же ты так страдаешь сейчас? Я довела тебя до отчаяния, почему же ты не говоришь, что жизнь одного человека не имеет значения? Ты любил женщину, а она бросила твою любовь тебе в лицо! Зато в прошлом месяце пролетарские шахты Донбасса выдали на гора сто тонн угля! У тебя было два алтаря, и ты вдруг увидел на одном из них шлюху, а на другом — гражданина Морозова? Зато пролетарское государство экспортировало в прошлом месяце десять тысяч центнеров пшеницы!

У тебя выбили почву из-под ног? Зато пролетарское государство строит на Волге новую электростанцию! Почему ты не улыбаешься и не поешь гимны коллективному труду? Он на месте, твой коллектив. Иди, присоединяйся. Разве с тобой что-то случилось? Это всего лишь личная проблема частной жизни, которая может волновать только представителей доживающего свой век старого мира. Разве у тебя нет высшей цели? Эти слова часто употребляют твои товарищи. Или все-таки есть, товарищ Таганов?..

Посмотри на меня! Хорошенько посмотри! Я родилась, и я знала, что я живая, и понимала, чего хочу. Как ты думаешь, что во мне живо? Почему, ты думаешь, я жива? Потому что у меня есть желудок, который я набиваю пищей? Потому что я дышу и зарабатываю на жизнь? Или потому, что я знаю, чего хочу, а то, что может хотеть, — не есть ли сама жизнь? И кто в этом проклятом мире скажет мне, зачем мне жить ради чего-то, кроме того, чего я хочу? Кто может по-человечески ответить на этот вопрос?.. Да, вы пытались объяснить нам, чего мы должны хотеть. Вы пришли подобно армии победителей, чтобы принести людям новую жизнь. Вырвав с корнем жизнь, о которой ничего не знали, вы объяснили, какой должна быть жизнь. Вы отняли у людей каждый час, каждую минуту, каждый нерв, каждую потаенную мысль и велели им жить иначе. Вы пришли и запретили живым жить. Вы поместили всех в каменный подвал и закрыли все двери, и заперли нас там без воздуха, и у нас стали лопаться вены! А вы устали на нас и недоумеваете, что с нами происходит. Что ж, смотрите! Все, у кого есть глаза! Смотрите!

Часть третья. «Источник»

Роман опубликован в 1943 году. Его тема — индивидуализм против коллективизма, но не в политике, а в душе человека; психологическая мотивировка и основные предпосылки, которые формируют характеры индивидуалиста и коллективиста. Это рассказ о карьере Говарда Рорка, архитектора-новатора, который порвал с традициями, не признает никаких авторитетов, борется за целостность своего творчества, против всех форм давления общества и побеждает. Ниже приведен отрывок из разговора Рорка с его другом Гейлом Винандом: Рорк объясняет, как он понял, в чем сущность людей, чьи жизненные убеждения противоположны его убеждениям.

Я очень долго не мог понять этих людей. У них нет своего Я. Они живут в других. Получают жизнь из вторых рук. Посмотри на Питера Китинга... Я смотрел — на то, что осталось от него, — и это помогло мне понять. Он наказан и не может понять, за какой грех, и думает, что был слишком эгоистичен. В каких это своих мыслях или действиях он был эгоистичен? Что было целью его жизни? Величие в глазах других. Слава, преклонение, зависть — все то, что исходит от других. Другие диктовали ему убеждения, которых он не разделял, но он был доволен, что другие думали, будто он следует им. Другие были его движущей силой и его основной заботой. Он не хотел быть великим — он хотел считаться великим. Он не хотел строить — он хотел вызывать восхищение как строитель. Он заимствовал у других, чтобы вызывать восхищение. Вот настоящее самоотречение. Собственное Я — вот что он предал и от чего отрекся. А его называют эгоистичным...

Не в этом ли корень всех подлых поступков? Не в эгоизме, а в отсутствии эгоизма. Посмотри на них. Человек, который лжет и обманывает, сохраняет респектабельный вид. Он знает, что бесчестен, но другие думают, что он порядочен, и на этом он строит самоуважение — из вторых рук. Человек, который принимает похвалу за то, чего не совершил, знает, что он посредственность, но он велик в глазах других. Потерянный, убогий человек, который проповедует любовь к тем, кто ниже его, и старается держаться ближе к менее одаренным, чтобы его превосходство было заметней... Все опять из вторых рук...

Их не интересуют факты, идеи, дела. Их интересуют только люди. Они не спрашивают: «Это правда?» Они спрашивают: «А другие думают, что это правда?» Не судить самим, а повторять. Не делать, а создавать видимость деятельности. Не творчество, а притворство. Не способности, а отношения. Не заслуги, а связи. Что станет с миром без тех, кто делает: работает, думает? Они эгоисты. Ты не думаешь чужим умом и не делаешь чужими руками. Когда ты отказываешься мыслить, ты отказываешься от своего сознания. Остановить мысль — значит остановить жизнь. У тех, кто получает все из вторых рук, нет чувства реальности. Их реальность не в них, а где-то в том пространстве, которое отделяет одно человеческое существо от другого. Не сущность, а ни к чему не привязанное отношение. Пустота, которой я не могу понять. Это остановило меня, когда я оказался перед лицом комитета. Люди без «эго». Мнение без рационального познания. Движение без тормозов и двигателя. Власть без ответственности. Действия людей, получающих все из вторых рук, и источник этого действия скрыт в других людях. Он везде и нигде, и его нельзя вразумить. Он закрыт для разума. С ним нельзя разговаривать — он не слышит. Тебя судит пустое место. Слепая масса буйствует, чтобы раздавить тебя без причины и цели...

Обрати внимание, как они готовы принять что угодно, но не человека, который стоит особняком. Они сразу его узнают. [...] У них особая коварная ненависть к нему. Они прощают преступников. Они преклоняются перед диктаторами. Преступление и насилие связаны одной

нитью. Это форма взаимозависимости. Им нужна эта связь. Им необходимо навязывать свои жалкие, мелкие личности каждому встречному. Независимый человек убивает их — они не существуют в нем, а это единственная форма существования, которую они знают. Обрати внимание на злобное неприятие любой независимой идеи. Обрати внимание на ненависть к независимому человеку...

После того как им веками вбивали в голову, что альтруизм — высший идеал, люди приняли его в той единственной форме, в какой его можно принять, пытаясь снискать уважение к себе с помощью других, получая жизнь из вторых рук. А это открыло дверь кошмару. Это стало страшной формой эгоизма, которая не могла зародиться в по-настоящему эгоистичном человеке. А теперь, чтобы излечить мир, гибнущий от самоотречения, нас просят уничтожить в «эго». Послушай, что сейчас проповедают. Посмотри вокруг. Мы недоумевали, почему они страдают, почему ищут счастье и не находят его. Если человек остановится и спросит себя, было ли у него в жизни сильное личное желание, он не найдет ответа. Он увидит, что все его желания, все усилия, все мечты и чаянья мотивированы другими людьми. Он не борется по-настоящему даже за материальные блага, он борется за заблуждение — престиж в глазах других. Печать одобрения — не собственного одобрения. Он не находит радости ни в борьбе, ни в победе. Он не может произнести единственную фразу: «Это то, чего я хотел, потому что я хотел этого, а не потому, что это заставило соседей глазеть на меня». А потом удивляется, почему несчастен. Любой вид счастья — дело очень личное. Величайшие моменты в нашей жизни — очень интимны, мотивированы внутренне и неприкасаемы. Для нас свято и дорого то, что мы отказываемся с кем-либо разделить. Но теперь нас учат, что нужно выставить все личное на публичное обозрение и дать облапать всем. Искать радость на собраниях. У нас даже нет слов, чтобы обозначить то качество, которое я имею в виду: самодостаточность человеческого духа. Трудно назвать это эгоизмом или себялюбием, эти слова опорочены, за ними скрывается Питер Китинг. Гейл, я считаю, что на земле есть только одно большое зло — когда основной интерес составляют другие люди. От людей, которые мне нравились, я всегда требовал определенного качества. И всегда сразу узнавал его, это единственное качество, которое я уважаю в людях. По этому принципу я выбирал друзей. Теперь я знаю: это самодостаточная личность. Ничто другое не имеет значения.

VI

ФИЛОСОФИЯ ОБЪЕКТИВИЗМА

Роман Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» опубликован в 1957 году. Его тема — роль разума в существовании человека и, как следствие, зарождение новой философии — морали рационального эгоизма.

История человечества знала забастовки рабочих и служащих, шахтеров и учителей. История не знала забастовок творцов и интеллектуалов, когда останавливаются заводы, поезда, рушатся атомные станции — останавливается жизнь. Правительство продолжает клясться, что остановит инфляцию, поднимет минимальный уровень оплаты труда, наведет порядок.

Среди хаоса в неприступном ущелье процветает жизнь... Оттуда герой-романтик выступает с речью по радио. Отрывок из этой речи дает сжатое представление о философии объективизма.

Вы не знаете никаких моральных концепций, кроме мистической или общинной. Вас учили, что мораль — это кодекс поведения, навязанный вам капризом, — по прихоти сверхъестественной силы или общества, — чтобы служить во имя Господа или на благо соседа, чтобы угодить авторитету на том свете или за соседней дверью — кому угодно, но не *вашей* жизни или удовольствию. Удовольствие, учили вас, вы найдете в аморальности, свои интересы лучше всего удовлетворите в пороке; любой моральный кодекс служит *не вам, а против вас*, не для того чтобы содействовать вашей жизни, а чтобы растоптать ее.

Веками битва за мораль шла между теми, кто утверждал, что наша жизнь принадлежит Богу, что благо — это самоотречение ради призрачного рая, и теми, кто проповедовал, что блага — это самоотречение ради убогих на земле. И никто не сказал, что жизнь принадлежит вам и благо состоит в том, чтобы прожить ее.

Обе стороны сходились на том, что мораль требует отказа от личного блага и своего ума, что моральность и практичность противоположны, что мораль относится не к сфере разума, а к сфере веры и силы. Обе стороны согласились на том, что не может быть рациональной морали, что в разумном не бывает правильного и неправильного, что разуму нет причины быть моральным.

О чем бы ни спорили моралисты, в одном все они были едины: в противостоянии человеческому уму. Все их интриги и системы были направлены на ограбление и уничтожение ума. Выбирайте сами — погибнуть или понять: что против разума, то против жизни.

Ум человека — основное орудие его выживания. Жизнь человеку дана, выживание — нет. Тело человеку дано, пропитание — нет. Чтобы жить, он должен действовать, а прежде чем действовать, должен понять природу и цель своих действий. Он не может добыть пищу без знаний о ней и способах ее получения. Он не может выкопать канаву или построить циклотрон без знания своей цели и способов ее достижения. Чтобы жить, он должен мыслить.

Вы сами выбираете — думать или нет. Ключ к пониманию того, что вы столь безрассудно называете природой человека, это так называемая загадка, с которой вы живете, боясь ее назвать, смысл этой загадки в том, что *человек есть существо с волевым сознанием*. Разум не работает автоматически, мышление — не механический процесс, логические связи не создаются инстинктом. Ваш желудок, легкие, сердце работают автоматически, ваш мозг — нет. В любое время и в любой ситуации вы вольны думать или избегать этого усилия, но вы не вольны уйти от собственной природы, от того факта, что средство вашего выживания — *разум*, следовательно,

для вас, существа разумного, вопрос «быть или не быть?» — это вопрос «мыслить или не мыслить?».

У существа с волевым сознанием нет автоматического режима поведения. Ему нужна система ценностей, направляющая его действия. Ценность ~~ это то, что человек добывает и удерживает своими действиями, добродетель — это действие, с помощью которого человек добывает и удерживает ценность. Ценность предполагает ответ на вопрос: ценность для кого и для чего? Ценность предполагает стандарт, цель и необходимость действия перед лицом выбора. Там, где нет выбора, невозможно существование ценностей.

Во вселенной есть только одна фундаментальная альтернатива — существование или несуществование — и она относится к единственному классу объектов: к живым организмам. Существование органической материи безусловно, существование жизни — нет: она зависит от особого вида действий. Материя неуничтожима, она меняет формы, но не может исчезнуть. И только живой организм всегда стоит перед альтернативой: жизнь или смерть. Жизнь — это совокупность действий, направленных на самосохранение и самосовершенствование. Если организм терпит крах в этих действиях, он умирает, составляющие его химические элементы остаются, но его жизнь прекращается. Только благодаря концепции жизни возможна концепция ценности. Только живые существа могут выделить в мире хорошее или плохое.

Растение должно питаться, чтобы жить; солнечный свет, вода, необходимые химические элементы — это ценности, которые диктует природа растения, сама его жизнь является стандартом ценности, определяющим действия. У растения нет выбора; нет альтернативы в условиях, с которыми оно сталкивается, нет альтернативы в функциях; оно автоматически стремится жить, оно не может действовать в целях собственного уничтожения.

Животному дано все для поддержания собственной жизни; инстинкт обеспечивает ему автоматизм действий, знание того, что для него хорошо и что плохо. У него нет возможности расширять свои знания или не пользоваться ими. Когда его знаний оказывается недостаточно, оно погибает. Но пока существует, оно действует в соответствии со своими знаниями, автоматически заботясь о своей безопасности и не имея свободы выбора; оно не может игнорировать то, что для него хорошо, не способно по собственной воле выбрать зло и действовать в целях самоуничтожения.

У человека нет автоматического закона выживания. Его отличает от всех других живых существ необходимость *волевого выбора* перед лицом альтернатив. Он не обладает автоматическим знанием того, что для него хорошо, а что плохо, от каких ценностей зависит его жизнь, какие действия необходимо предпринимать. Вы пытаетесь лепетать об инстинкте самосохранения? *Инстинкт самосохранения* — именно то, чем человек не обладает. Инстинкт — это безошибочная автоматическая форма знания. Желание не есть инстинкт. Желание жить не дает необходимых для жизни знаний. И даже желание жить не автоматически не поможет, ибо как раз этого-то желания у вас и нет. Страх смерти — это еще не любовь к жизни, и он не дает вам знаний, необходимых для ее сохранения. Человек должен сам добывать знания и сам выбирать действия с помощью разума — природа не принудит его к этому. К тому же надо помнить, что человек способен направить свои действия на собственное разрушение, и именно так он и действовал на протяжении большей части своей истории.

Живое существо, которое сочло бы злом свои средства выживания, не могло бы выжить; если бы растение пыталось покалечить свои корни, если бы птица билась, чтобы сломать свои крылья, они не смогли бы продолжать жизнь, против которой выступили. Но история человека была борьбой за отрицание и разрушение разума.

Человека называют рациональным существом, но рациональность — его собственный выбор, а альтернатива, которую предлагает его природа, — быть рациональным существом или

животным — самоубийцей. Человек должен быть человеком по собственному выбору; он должен ценить свою жизнь по собственному выбору; он должен научиться выживать по собственному выбору; он должен открыть ценности, которых требует его жизнь, и следовать своим добродетелям по собственному выбору.

Система ценностей, принятая в результате подобного выбора, и есть моральный кодекс.

Кем бы вы ни были, вы, слышащие меня сейчас, я обращаюсь к оставшейся в вас капле чистоты, к тому, что осталось в вас человеческого, к вашему *разуму*, и я говорю: есть мораль разума, мораль, присущая человеку, и ее эталоном ценностей является *человеческая жизнь*.

Все, что на благо жизни рационального существа, есть добро; все, что разрушает ее, есть зло.

Жизнь человека в соответствии с требованиями его природы не есть жизнь животного, головореза-грабителя или попрошайки-мистика, жизнь мыслящего существа не есть жизнь за счет силы или обмана; жизнь за счет творчества не есть выживание любой ценой, ибо существует только одна цель, которая оправдывает выживание: разум.

Жизнь человека есть стандарт морали, но ее цель — ваша собственная жизнь. Если ваша цель — существование на земле, вы должны выбирать действия и ценности в соответствии с тем, что надлежит человеку, — чтобы сохранить, осуществить и получать удовольствие от невосполнимой ценности, коей является ваша жизнь.

Так как жизнь требует определенного направления действий, любое другое направление разрушит ее. Существо, которое не считает собственную жизнь причиной и целью своих действий, действует по побуждению и установкам *смерти*. Такое существо — метафизическое чудовище, борющееся с фактом собственного существования, отрицающее и оспаривающее его, слепо буйствующее на пути разрушения, неспособное ни на что, кроме боли.

Счастье есть благополучное состояние жизни, боль есть посланник смерти. Счастье — это состояние сознания, которое вытекает из достижения своих целей и ценностей. Мораль, которая смеет утверждать, что нужно искать счастье в отречении от счастья, ценить крах своих ценностей, — это наглое отрицание морали. Доктрина, которая преподносит в качестве идеала роль жертвенного животного, ищущего гибели на чужих алтарях, предлагает эталон *смерти*. По милости реальности и по природе своей человек, каждый человек сам есть цель, он существует ради себя самого, и достижение собственного счастья — его высшая моральная цель.

Но ни жизнь, ни счастье недостижимы с помощью иррациональных капризов. Так же, как человек волен пытаться выжить любым способом, но погибнет, если не будет жить в соответствии с требованиями своей природы, он волен искать своего счастья в любом бездумном обмане, но найдет лишь муки разочарования, если не будет искать счастья, достойного человека. Задача морали — научить вас не страдать и умирать, а наслаждаться и жить.

Гоните из университетов паразитов, существующих на субсидии; живя за счет других, они заявляют, что человеку не нужна мораль, ценности, правила поведения. Они выдают себя за ученых, утверждая, что человек — только животное, они отказали человеку в том, что дозволено даже низшим насекомым — в причастности к законам бытия. Они признают, что каждое животное обладает способом выживания, обусловленным его природой, они не утверждают, что рыба может жить без воды или что собака может жить без обоняния, но человек, утверждают они, — самое сложное из всех существ — человек может выжить как угодно, у человека нет своего лица, нет своей природы, практически не существует причины, по которой он не мог бы выжить, когда его средства выживания уничтожены, а ум задушен и отдан на милость любых приказаний, которые им вздумается отдать.

Гоните этих пожираемых ненавистью мистиков, притворяющихся друзьями человечества,

проповедующих, что высшая человеческая добродетель — не признавать ценности собственной жизни. Они говорят вам, что цель морали — обуздать человеческий инстинкт самосохранения? Именно для самосохранения человеку нужен моральный закон. И только человек, который хочет быть моральным, есть человек, который хочет жить.

Нет, вы не обязаны жить, жизнь — это основной акт вашего выбора; но если вы выбираете жизнь, вы должны жить как человек — за счет работы и суждений своего разума.

Нет, вы не обязаны жить как человек, это акт морального выбора. Но вы не можете жить, будучи чем-то другим, а альтернатива этому — состояние живого трупа, которое вы сейчас наблюдаете в себе и вокруг себя, состояние вещи, непригодной для существования; вы уже не человек, вы даже ниже животного, вы — вещь, которая не знает ничего, кроме боли, и тащится сквозь годы в агонии бездумного саморазрушения.

Нет, вы не обязаны мыслить, это акт морального выбора. Но кто-то должен думать для того, чтобы вы выжили, если вы решили сами не оплачивать своего существования, тем самым передав дефицит платежа какому-то моральному человеку в ожидании, что он пожертвует своим благом, чтобы дать вам возможность выжить за счет вашего зла.

Нет, вы не обязаны быть человеком, но сегодня тех, кто им остался, больше нет. Я отобрал ваши средства выживания — ваших жертв.

Сейчас вы услышите, как я это сделал и что сказал для того, чтобы они ушли. Я сказал им то же, что говорю здесь сегодня. Это были люди, которые жили по моему закону, просто они не знали, как много добродетели он несет в себе. Я заставил их увидеть это. Я не принес им переоценку ценностей, я лишь обозначил для них ценности.

Мы, люди разума, бастуем против вас во имя одной аксиомы, главной для нашего морального закона, так же как для вас главным является желание избежать ее; эта аксиома состоит в том, что *бытие существует*.

Бытие существует — и понимание этого предполагает две следующие аксиомы: существует нечто, что человек воспринимает; человек обладает сознанием, и сознание является способностью воспринимать существующее.

Если ничего не существует, то не существует и сознания: сознание без того, что можно сознать, — просто терминологическое противоречие. Сознание, не сознающее ничего, кроме себя, тоже терминологическое противоречие; прежде чем оно определит себя как сознание, оно должно что-то сознать. Если того, что, по-вашему заявлению, вы воспринимаете не существует, — то, чем вы обладаете, не является сознанием.

Каков бы ни был уровень ваших знаний, бытие и сознание — две аксиомы, которых вы не можете избежать, две неразложимые первичности, которые заключены в любом нашем действии, во всем диапазоне ваших знаний, от первого луча солнца, который вы воспринимаете в начале своей жизни, до широчайшей эрудиции, которую приобретаете к концу жизни. Неважно, идет ли речь о форме камешка, или структуре солнечной системы — аксиомы остаются неизменными: *этосуществует* и вы это *знаете*.

Существовать значит быть *чем-то*, отличаясь от *ничего* из разряда несуществующего, это значит быть предметом определенного свойства с определенными качествами. Несколько веков назад человек, который был, несмотря на свои заблуждения, величайшим из философов, вывел формулу, определяющую концепцию существования и правило всякого знания: А есть А. Вещь является самой собой. Вы так и не поняли значения этой формулы. И здесь я хочу завершить ее: бытие — это тождественность, сознание — это отождествление.

Что бы вы ни рассматривали, будь то предмет, качество или действие, закон тождества остается неизменным. Лист не может одновременно быть камнем, он не может быть красным и зеленым одновременно, он не может одновременно гореть и замерзать. А есть А. Или, если вы

хотите определить это проще: нельзя и съесть пирог, и сохранить его.

Хотите узнать, что стряслось с миром? Все ужасы, свалившиеся на мир, порождены попытками ваших лидеров отрицать тот факт, что А есть А. Все тайное зло, в котором вы боялись себе признаться, вся боль, которую вы испытали, — результат вашей собственной попытки избежать того факта, что А есть А. Целью тех, кто научил вас избегать этого, было заставить вас забыть, что Человек есть Человек.

Единственный способ для человека выжить состоит в приобретении знаний, а разум — единственное средство для этого. Разум — это способность воспринимать, отождествлять и объединять информацию, которую поставляют чувства. Задача чувств — дать разуму свидетельства существования, задача опознавания этих чувств принадлежит разуму. Чувства говорят, о *существовании чего-то*, но *что* оно такое — надо понять умом.

Все мышление — это процесс отождествления и объединения. Человек воспринимает цветное пятно, объединяя свидетельство своего зрения и осязания, он учится отождествлять это с твердым телом, начинает отождествлять предмет со столом, узнает, что стол сделан из дерева, что дерево состоит из клеток, что клетки состоит из молекул, что молекулы состоят из атомов. И на протяжении всего этого процесса работа мозга состоит из ответов на один вопрос: *что это?* Средство установления истинности ответов — логика, а логика основывается на аксиоме: бытие существует. Логика — это искусство *непротиворечивого отождествления*. Противоречий не существует. Атом является самим собой, то же можно сказать и о вселенной. Они не могут противоречить своей тождественности, как часть не может противоречить целому. Ни одно понятие, сформированное человеком, не является подлинным до тех пор, пока человек не сможет без противоречий включить его в общую сумму своих знаний. Прийти к противоречию — значит признать ошибку в своих рассуждениях, поддерживать противоречие — значит отречься от собственного ума и исключать себя из сферы реальности.

Реальность — это то, что существует; нереальное не существует, нереальное есть лишь отрицание существования, которое является содержанием человеческого сознания, когда оно пытается покинуть разум. Истина — это признание реальности; разум — единственное средство познания, единственное мерило истины.

Самый порочный вопрос, который вы сейчас можете задать, это — «*чей разум?*». Ответ на это — *ваш*. Вне зависимости от того, насколько широки или скромны ваши знания, именно ваш разум должен их приобрести. И только с собственными знаниями вы можете иметь дело. Вы можете только утверждать наличие чего-либо или предлагать другим для рассмотрения собственные знания. Ваш ум — ваш собственный судья над истиной, и если другие не согласны с вашим приговором, реальность — вот высший суд. Ничто, кроме человеческого ума, не может проделать такой сложной, тонкой и решающей процедуры отождествления, которой является мышление. Ничто, кроме собственных суждений человека, не может направлять этот процесс. Ничто не может направлять суждения, кроме моральной целостности.

Вы говорите о моральном инстинкте как о некоем отдельном даре, противопоставляя его разуму, человеческий разум и *есть моральный дар*. Процесс работы разума — это процесс постоянного выбора ответа на вопрос: верно или неверно, *правильно или неправильно?* Нужно ли сажать семя в землю, чтобы оно росло, — верно или неверно? Нужно ли дезинфицировать рану, чтобы спасти человеку жизнь, — верно или неверно? Позволяет ли природа атмосферного электричества превращать его в кинетическую энергию — верно или неверно? Именно ответы на подобные вопросы дали вам все, что у вас есть, и ответы пришли от человеческого разума, разума, беспредельно преданного тому, что *верно*.

Рациональный прогресс — это *моральный процесс*. Вы можете совершить ошибку на каждом его этапе, и ничто не защитит вас, кроме вашей собственной строгости; вы можете

попробовать обмануть, подтасовать свидетельства, уклониться от поиска — но если преданность правде есть критерий моральности, то нет более великой, благодарной и героической формы преданности, чем действия человека, который берет на себя ответственность мышления.

То, что вы называете душой или духом, есть ваше сознание, а то, что вы называете свободной волей, есть свобода вашего разума мыслить или не мыслить; единственная ваша воля, единственная свобода — это тот выбор, который контролирует все другие выборы, совершаемые вами, и определяет вашу жизнь и ваш характер.

Мышление — единственная основная человеческая добродетель, из которой вытекают все остальные. А его основной порок, источник всего его зла — это тот безымянный акт, который вы все практикуете, но всегда отказываетесь признать: акт изоляции своего сознания, отказ думать; не слепота, а отказ видеть; не невежество, а отказ знать. Это акт рассредоточения ума и навлечение внутреннего тумана, чтобы избежать ответственности за свои суждения; это акт, основанный на молчаливой предпосылке, что вещь не существует, если вы отказываетесь признавать ее, А — не А до тех пор, пока вы не произнесли приговор и не признали — это действительно так. Отказ от мышления есть акт уничтожения, попытка отрицать бытие, истребить реальность. Но бытие существует, реальность невозможно уничтожить, она просто уничтожает уничтожающего. Отказываясь сказать: «Это есть», вы отказываетесь сказать: «Я есть». Приостанавливая собственное мышление, вы отрицаете себя как личность. Когда человек заявляет: «Кто я такой, чтобы знать?» — он заявляет: «Кто я такой, чтобы жить?»

Каждую минуту, в каждом вопросе вы совершаете моральный выбор: мышление или не мышление, бытие или не бытие, А или не А, нечто или ничто.

Именно до той степени, до какой человек рационален, жизнь является предпосылкой, направляющей его действия. Если он становится иррационален, направляющей его действий становится смерть.

Я обращаюсь к вам, лепечущие, что мораль зависит от общества и что на необитаемом острове она не нужна. Именно там она необходима человеку больше всего. Пусть-ка он попытается утверждать, когда вокруг нет жертв, которые будут платить за это, что камень — это дом, песок — одежда, что пища будет падать ему в рот без всяких усилий с его стороны, что он соберет урожай завтра, поглотив семенной фонд сегодня, — реальность уничтожит его, как он и заслуживает, реальность покажет ему, что жизнь — это ценность, которую надо купить, и что мышление — единственная монета, достаточно благородная для приобретения этой ценности.

Если бы я говорил на вашем языке, я бы сказал, что единственная моральная заповедь человека — ты должен мыслить. Но моральная заповедь — словесное противоречие. Мораль — это избранное, а не навязанное, понятное, а не приказанное. Мораль рациональна, разум не принимает заповедей.

Моя мораль, мораль разума, заключается в единственной аксиоме: бытие существует, и в единственном выборе — жить. Все остальное является следствием. Чтобы жить, человек обязан придерживаться трех принципов, как наивысших и направляющих ценностей своей жизни: Разум — Цель — Собственное достоинство. Разум — единственный инструмент познания; Цель — выбор своего счастья, к которому данный инструмент должен проложить дорогу; Собственное достоинство — несокрушимая уверенность в том, что ум способен мыслить, а личность достойна счастья, что означает: достойна жить. Эти три ценности предполагают и требуют всех человеческих добродетелей, а все добродетели относятся к взаимосвязи бытия и сознания: разумность, независимость, целостность, честность, справедливость, творчество, гордость.

Разумность ~ это признание того факта, что бытие существует, что ничто не может

изменить истину и ничто не может предшествовать акту осознания того, что ум — единственный судья ваших ценностей и единственный указатель ваших действий; что разум — это абсолют, не допускающий никаких компромиссов, что уступка иррациональному перечеркивает ваше сознание, уводит его от задачи восприятия реальности к ее подделке; что якобы короткая дорога к знанию — вера есть на самом деле желание уничтожить бытие, а точнее, уничтожить собственное сознание.

Независимость — это признание того факта, что ответственность за суждения лежит на вас, и ничто не поможет вам избежать ее; что ничто не заменит нашего мышления, так же как никто не сможет прожить за вас вашу жизнь; что самая отвратительная форма самоуничтожения и саморазрушения — это подчинение своего ума уму другого, признание авторитета, стоящего выше ума, признание чужих утверждений фактом, чужих слов истиной, чужих указов посредником между вашим сознанием и вашим бытием.

Целостность — это признание того факта, что нельзя подделать свое сознание, так же как честность — признание того, что нельзя подделать свое бытие; что человек — неделимое целое, целостная величина, обладающая двумя атрибутами: материей и сознанием, и нельзя принять разделения между умом и телом, между действием и мыслью, между жизнью и убеждениями; что, как судья, безразличный к общественному мнению, человек не может жертвовать своими убеждениями ради чужих желаний, будь то даже желания всего человечества, стонающего с мольбами и угрозами. Смелость и уверенность в себе — практически необходимые качества: смелость есть практическая форма верности бытию, верности истине, а уверенность в себе есть практическая форма верности своему сознанию.

Честность — это признание того факта, что нереальное нереально и не может иметь ценности; ни любовь, ни слава, ни деньги не являются ценностью, если они получены обманным путем: в попытке получить ценности, обманывая других, вы возвышаете своих жертв над реальностью и становитесь залогом их слепоты, рабом их недомыслия и уверток, в то время как их интеллект, их разум, их наблюдательность становятся врагом, которого вам нужно бояться и от которого нужно скрываться; честность — это признание, что вы не хотите зависеть от чужой глупости или быть дураком, чьим источником ценности являются другие дураки, которых ему удалось одурачить; честность — не общественный долг и не жертва, а самая эгоистическая добродетель, которой может обладать человек, — это отказ жертвовать реальностью собственного существования в угоду обманутому сознанию других.

Справедливость — это признание того факта, что нельзя подделать характер человека, так же как нельзя подделать характер природы; что вы должны судить людей столь же добросовестно, как судите неодушевленные предметы, с тем же уважением к истине, с тем же неподкупным взглядом, используя чистый и рациональный процесс отождествления; что каждого человека надо судить за то, что он *есть*, и относиться к нему соответственно — ведь вы не платите за ржавый кусок железа больше, чем за отполированный сплав, не ставите мерзавца выше героя; что ваша моральная оценка — это та монета, которой вы платите людям за их добродетели и пороки, и эта плата требует от вас такой же добросовестной порядочности, какая необходима при финансовых операциях; что скрывать свое презрение к порокам других значит быть моральным фальшивомонетчиком, а скрывать свое восхищение их добродетелями — значит быть моральным вором; что ставить какую-либо заботу выше заботы о справедливости значит обесценивать свою моральную валюту и ставить зло выше добра, поскольку лишь добро может проиграть и лишь зло выигрывает от предательства справедливости; это предел всему, акт морального банкротства — наказывать людей за их достоинства и награждать за пороки, это падение, ведущее к полному разложению, черная месса во славу Смерти, посвящение своего сознания разрушению бытия.

Умение созидать — это ваше принятие морали, ваше признание того, что выбор — жизнь; что труд — это процесс, посредством которого сознание человека управляет его существованием, постоянный процесс приобретения знаний и преобразования материи для удовлетворения человеческих потребностей, процесс воплощения идеи в материальную форму, процесс преобразования Земли сообразно с вашими ценностями; что *любой* труд — творческий, если трудится мыслящий разум, и наоборот, труд не может быть творческим, если его выполняет пустоголовый, который механически, в беспросветном умопомрачении повторяет то, чему когда-то удалось научиться у других; что вы сами выбираете свое дело и выбор настолько широк, насколько широк ваш ум: большее для вас невозможно, а меньшее унижит ваше достоинство; что получить обманом работу, для которой у вас не хватает способностей, означает стать обезьяной, живущей в животном страхе, копируя чужие движения и отнимая чужое время, а удовлетвориться работой, которая не требует полной отдачи способностей, означает выключить свой двигатель и обречь себя на разложение; что работа — это процесс завоевания ваших ценностей и потеря желания обладать ими означает потерю желания жить; что ваше тело — машина, а ум — водитель, и расстояние, которое вы преодолеете, ограничено только вашим умом; что цель пути — ваши достижения, а человек без цели — лишь машина, которая катится по инерции вниз, предоставив себя любому камню, с которым ей случится столкнуться. Человек, подавляющий свой ум, подобен медленно ржавеющей машине; человек, позволяющий какому-нибудь вождю предопределить его жизнь, подобен развалине, которую везут на буксире на свалку; человек, ставящий своей целью счастье другого человека, — попутчик из тех, кого нельзя подбирать на дороге; ваше дело есть цель вашей жизни, и надо лишь ускоренным шагом пройти мимо любого убийцы, который решит, что вправе остановить вас; любая ценность, обнаруженная вами вне своего дела, любая привязанность или любовь может стать вашим попутчиком только по вашему выбору, но эти попутчики должны двигаться в одном направлении с вами и за счет собственных ресурсов.

Гордость — это признание того, что вы сами по себе представляете ценность, и, как все человеческие ценности, она должна быть заслужена; того, что из всех доступных нам достижений главным, делающим возможными все остальные является создание собственного характера; того, что ваш характер, ваши действия, ваши желания, ваши эмоции — результат работы вашего разума, того, что точно так же, как человеку необходимо производить материальные ценности для поддержания своей жизни, ему необходимо создавать ценности своего характера, чтобы его жизнь была достойна поддержания; того, что точно так же, как человек сам создает свое богатство, он должен создавать свою душу; того, что жизнь требует от человека чувства своей ценности, но человек, не имеющий автоматических ценностей, не обладает автоматическим чувством своей ценности и должен приобрести его, преобразуя свою душу в соответствии с моральным идеалом, с образом Человека, рожденного, чтобы воплотиться в рациональное существо, и должен сделать это по своему выбору; того, что первое условие самоуважения — лучезарный эгоизм души, желающей только высших материальных и духовных ценностей, души, которая стремится прежде всего к собственному моральному совершенству, превыше всего ценя себя; того, что доказательством достигнутого самоуважения будет дрожь презрения и бунт против роли жертвенного животного, против низкой дерзости любого вероучения, которое предлагает принести в жертву слепым метаниям и застою разложению других незаменимую ценность — ваше сознание и ни с чем не сравнимое великолепие вашего бытия.

Теперь вы понимаете, кто такой Джон Галт? Я человек, заслуживший то, за что вы не боролись, то, от чего вы отреклись, что предали, опорочили и все-таки не смогли полностью уничтожить, то, что вы сейчас виновато скрываете, тратя свою жизнь на извинения перед

каждым профессиональным людоедом, лишь бы не обнаружилось, что где-то в глубине души вам хочется сказать то, что я сейчас говорю всему человечеству: «Я горжусь собственной ценностью и тем, что хочу жить».

Это желание, которое вы разделяете со мной и все-таки подавляете как зло, — единственное, что в вас осталось от добродетели, но это желание нужно заслужить. Единственная моральная цель человека — его собственное счастье, но достичь ее можно лишь благодаря собственным достоинствам. Добродетель не является целью сама по себе. Добродетель не является личной наградой или жертвенным кормом для зла. Жизнь — награда добродетели, а счастье — цель и награда жизни.

Как телу присущи два основных ощущения — удовольствие и боль в виде признаков здоровья или болезни, жизни или смерти — так и вашему сознанию свойственны две основные эмоции: радость и страдание, соответствующие тем же двум противоположностям. Ваши эмоции подсказывают, что способствует вашей жизни и что ей угрожает; это молниеносные расчеты, дающие вам сумму ваших прибылей и потерь. У вас нет врожденной способности различать добро и зло, лишь от ваших моральных критериев зависит, что вы сочтете добром, а что ~ злом, что принесет вам радость, а что боль, что вы полюбите или возненавидите, чего возжелаете или устраситесь. Эмоции присущи вашей природе, но их содержание диктует ваш разум. Способность к эмоциям — это не заправленный горючим двигатель, а моральные ценности и есть горючее, которым разум наполняет двигатель. Если вы выберете смесь противоречий, она засорит двигатель, разьет коробку передач и вы разобьетесь, как только попытаетесь тронуться с места в этой машине, которую вы, водитель, сами и испортили.

Если вы избрали иррациональность как стандарт ценностей, и недостижимое как свою концепцию блага, если вы стремитесь к наградам, которых не заслужили, к богатству или любви, которых не стоите, стремитесь обойти закон причины и следствия, стремитесь к А, которое становится *не* Апо вашей прихоти, если вы стремитесь к противоположности бытия — вы этого добьетесь. И не плачьте, что жизнь — сплошное разочарование и счастье недостижимо, — проверьте снос горючее, оно доставило вас туда, куда вы хотели. Счастья нельзя добиться, руководствуясь эмоциональными порывами. Удовлетворение иррациональных желаний, которым вы слепо потворствуете, не есть счастье. Счастье — это состояние радости без сомнений, радости без боязни возможного наказания или вины, радости, которая не противоречит вашим моральным ценностям и не способствует самоуничтожению; это не радость бегства от разума, а радость полного использования его мощи; это не радость ухода от реальности, а радость достижения реальных ценностей; это не радость пьяницы, а радость творца. Счастлив может быть только разумный человек — человек, который преследует разумные цели, ищет разумные ценности и находит радость лишь в разумных действиях.

Если я зарабатываю на жизнь собственными усилиями, не грабя и не прося милостыню, ~ я не добиваюсь счастья, причиняя боль или ущерб другим, а стараюсь заслужить его собственными достижениями. Если я не считаю удовольствия других людей целью своей жизни, то и мои удовольствия не могут быть целью жизни других людей. Если в моих ценностях нет противоречия и в моих желаниях нет противоборства — нет и жертв, нет конфликта интересов среди разумных людей — людей, которые не желают незаслуженного и не смотрят друг на друга с людоедской страстью, людей, которые не приносят жертв и не принимают их.

Символ человеческих взаимоотношений, моральный символ уважения разумных существ — это *торговец*. Мы, живущие в системе ценностей, — торговцы по сути и по духу. Торговец зарабатывает то, что получает, он ничего не раздает и не берет незаслуженного. Торговец не просит возмещения своих потерь и не хочет, чтобы _то любили за его недостатки. Торговец не растрчивает свое тело на жертвы, а душу на милостыню. Он продает свой труд только в обмен

на материальные ценности, он не отдает ценности своей души: любовь, дружбу, уважение, — кроме как в оплату и в обмен на человеческие добродетели, в оплату собственного эгоистического удовольствия, которое он получает от людей, пользующихся его уважением. Мистики-паразиты, во все века ругавшие и презиравшие торговцев, превознося попрошайек и грабителей, в глубине души всегда понимали, что скрывалось за их насмешками: торговец, приводивший их в ужас, — символ справедливости.

Вы спросите, какие у меня моральные обязанности перед человечеством. Никаких, только обязанности перед самим собой, перед материей и перед бытием — рациональностью. Я общаюсь с людьми, как того требует моя природа: посредством разума. Я не ищу и не хочу ничего, кроме тех отношений, в которые люди готовы вступить по свободному выбору. Я могу иметь дело только с их разумом и только в своих интересах, когда они понимают, что мои интересы совпадают с их интересами. Если люди этого не понимают, я не вступаю ни в какие отношения — пусть несогласные со мной идут своей дорогой, я со своей не сверну. Я побеждаю только при помощи логики и не сдамся ни перед чем, кроме логики. И я не откажусь от разума и не буду иметь дела с людьми, которые отказываются от него. Я не вижу смысла в общении с глупцами и трусами, не ищу выгоды от человеческих пороков: глупости, бесчестия и страха. Единственная ценность, которую могут предложить люди, — это плоды их разума. Когда я не согласен с рациональным человеком, я назначаю беспристрастным судьей реальность; если я прав, он извлечет урок, если прав он, это сделаю я; победит один из нас, но выиграем мы оба.

Любой вопрос открыт для обсуждения, кроме единственного злодейства, которое ни один человек не имеет права совершить по отношению к другим людям и ни один человек не может разрешить или простить. Пока люди хотят жить вместе, ни один человек не имеет права *начать* — вы слышите меня? — ни один человек не имеет права *начать* использовать физическую силу против других.

Угрожать человеку физическим уничтожением, угрожать его восприятию реальности — значит парализовать его инструмент выживания; принуждать человека поступать вопреки собственным убеждениям — это то же самое, что заставлять его действовать вопреки своему зрению. Неважно, кто, с какой целью и в каких масштабах начинает использовать силу, — это убийца, действующий в интересах смерти. Отнять у человека способность жить — хуже, чем убить его.

Не говорите мне, что ваш разум убедил вас в вашем праве насильственно воздействовать на мой разум. Сила и разум — противоположности; где начинается штык, там мораль кончается. Заявляя, что люди — иррациональные животные, и предлагая относиться к ним как к таковым, вы определяете свою суть и уже не можете претендовать на разумность суждений — как не может па то претендовать ни один защитник единства *противоречий*. Не может быть права на уничтожение источника всех прав; единственное средство определения правоты и неправоты — разум.

Заставлять человека отказаться от своего разума и принять взамен вашу волю при помощи штыка, а не довода, террора, а не убедительных доказательств, сделав смерть последним аргументом, — это попытка существовать вопреки реальности. Реальность требует, чтобы человек действовал в собственных рациональных интересах, штык требует, чтобы человек действовал против них. Реальность угрожает человеку смертью, если он действует иррационально, — вы угрожаете ему смертью в противном случае. Вы ставите человека в положение, когда ценой его жизни становится предательство всех достоинств, которых требует жизнь; и в процессе постепенного уничтожения ваша система, где смерть становится правящей силой и решающим аргументом в общении людей, добьется лишь смерти.

Бандит с большой дороги, предъявляющий путнику ультиматум «кошелек или жизнь», или

политик, который ставит стране ультиматум «образование ваших детей или ваша жизнь», — значение их ультиматумов одно — «ваш разум или ваша жизнь», а человек не может жить без любой из этих двух частей.

Если можно определить степень зла, то трудно сказать, кто презреннее: животное, которое силой воздействует на других, или моральный дегенерат, который дает другим право воздействовать на свой разум. Этот моральный абсолют закрыт для обсуждения. Я не допускаю наличия разумных доводов у людей, которые предлагают лишить меня разума. Я не вступаю в спор с соседями, которые думают, что могут запретить мне думать. Я не обращаюсь с увещеваниями к убийце, стремящемуся лишить меня жизни. Когда человек пытается воздействовать на меня силой, мой ответ на это — сила.

Сила может быть использована только как ответная мера и только против того, кто первым прибег к ней. Нет, я не становлюсь вместе с ним на сторону зла и не принимаю его морали, я просто предоставляю ему его собственный выбор — уничтожение, единственное уничтожение, которое он имел право выбирать, — свое собственное. Он применяет силу, чтобы овладеть ценностями, я применяю ее, только чтобы уничтожить уничтожение. Грабитель стремится разбогатеть, убив меня, я не стану богаче, убив грабителя. Я не стремлюсь к ценностям посредством зла, но и свои ценности не сложу перед злом.

От имени всех творцов, которые поддерживали вашу жизнь и получили в ответ ультиматум, грозящий смертью, я отвечаю вам единственным ультиматумом — наша работа или ваши штыки. Вы должны выбрать одно, вы не можете иметь и то и другое. Мы не начнем использовать физическую силу против других, но и не сдадимся никакой силе. Если вы когда-нибудь захотите жить в индустриальном обществе, то это произойдет на *наших* моральных условиях. Наши условия и наша движущая сила противоположны вашим условиям и вашей движущей силе. Вы использовали страх как оружие и карали смертью за отрицание вашей морали, мы предлагаем жизнь в награду за принятие нашей морали.

VII

РОЛЬ ДЕНЕГ

Интеллектуалы бастуют. Мир остался без локомотива. Герои романа «Атлант расправил плечи», участник забастовки, объясняет ее причины, причины стагнации и разрешения страны.

Итак, вы считаете деньги источником всех бед и корнем зла? А вы никогда не задумывались над тем, что лежит в основе денег, что является источником богатства?

Деньги — это инструмент обмена, они не могут существовать без товаров и людей, их создающих. Деньги — это материализация идеи, что люди должны вступать в деловые отношения друг с другом посредством торговли, меняя одну ценность на другую. Разве нищий, слезно вымаливающий плоды вашего труда, или грабители, отбирающие их силой, предлагают вам равноценный обмен? Для них деньги — не инструмент обмена. Деньги были изобретены и стали реальностью благодаря людям, способным производить. И это, по-вашему, зло?

Получая деньги в уплату за свои усилия, вы уверены, что обмениваете их на товары, созданные другими людьми. Только так эти обрезки бумаги в вашем кошельке смогут превратиться в хлеб — ни море слез, ни все оружие мира не обратят их в продукты, способные завтра утолить ваш голод. Но эти листки бумаги, когда-то подменившие полновесное золото, — символ доверия, символ вашего права на долю энергии, а значит на часть материальных и духовных ценностей, созданных другими людьми. Для людей созидających деньги не самоцель, они не представляют ценности сами по себе. Для них деньги — воплощение уверенности в том, что есть люди, не уклоняющиеся от обязательств, и верные принципам, лежащим в основе денег. И это, по-вашему, зло?

Задумывались ли вы над тем, что лежит в основе производства материальных благ? Взгляните на электростанцию: вы можете представить, что она создана лишь физическими усилиями безмозглых животных? Попробуйте вырастить пшеницу без знаний, накопленных и переданных вам далекими предшественниками, открывшими технологию выращивания культурных злаков! Попробуйте добыть себе пропитание лишь физическими усилиями и вы поймете, что только творческий ум является источником всех произведенных материальных ценностей и всего богатства, имеющегося на Земле.

Вы твердите, что деньги создаются сильными за счет эксплуатации слабых. О какой силе вы говорите? Очевидно, что это не сила мышц и не сила оружия. Богатство создается творческим трудом, оно соразмерно способностям и является наградой за умственные усилия. Разве можно обвинить изобретателя мотора в эксплуатации труда того, кто его не изобретал! Создается ли богатство умными за счет глупых, способными за счет бездарных, целеустремленными за счет ленивых? И в этом ли, по-вашему, зло? Деньги создаются творческим усилием каждого честного человека в соответствии с его возможностями. Честным я называю того, кто знает, что не имеет права потреблять больше, чем производит.

Законом людей доброй воли является товарообмен посредством денег. В основе денег лежит право человека распоряжаться своим трудом и интеллектом. Деньги исключают силу как оценщика труда и оставляют место лишь свободному выбору людей, желающих торговать плодами своего труда. Именно деньги позволяют вам получить в обмен на свои продукты и труд то, чего, по оценке покупателей, они заслуживают, — но не более. Деньги не допускают никакого арбитра, кроме свободного волеизъявления участников обмена. Деньги требуют от человека признания факта, что он должен работать ради самого себя, а не ради самоуничтожения, ради прибыли, а не ради убытка. Производители благ — не вьючные

животные, обреченные нести груз чужого ничтожества. Вы должны предложить им равнозначные ценности, а не гноящиеся раны. Люди должны обмениваться не страданиями, а товарами — и это нормальные взаимоотношения. Деньги требуют от вас не обмена своих слабостей и недостатков на чужую глупость, а обмена своего таланта на продукты чужого разума.

Деньги позволяют приобретать не худший из предложенных товаров, а лучшее из того, что позволяют ваши средства. Там, где люди вступают в торговые отношения, где верховным судьей является разум, а не сила, выигрывает лучший товар, лучшее качество, побеждает человек с рациональным суждением и большими способностями. Высшую награду получает человек, обладающий высочайшим творческим даром. Это моральный кодекс для тех, чьим инструментом являются деньги. И это, по-вашему, зло?

Но деньги — только инструмент. Они позволяют достигнуть цели, но не заменят вас у штурвала. Они являются средством удовлетворения желаний, но не могут быть источником желаний.

Деньги — бич для тех, кто пытается поменять местами причину и следствие, для тех, кто пытается подменить разум его продуктом. Деньги не принесут счастья человеку, не имеющему цели. Деньги не дадут ему системы ценностей, если он избегает понятия ценности, они не укажут ему цель, если он не знает, что искать. Деньги не купят ум дураку, почет — трусу, или уважение — профану. Если кто-нибудь попытается с помощью денег окружить себя интеллектуалами, дабы обрести престиж, то в конце концов падет жертвой низов. Интеллектуалы бросят его, в то время как мошенники толпой ринутся к нему, ведомые не осознанным им правилом: человек не может быть ниже своего богатства. И это, по-вашему, зло?

Только человек, способный сам создать состояние (с чего бы он не начал) и потому не нуждающийся в богатстве, достоин унаследовать его. Если наследник достоин своих денег, они будут служить ему, если нет — разрушат его. Но вы, увидев это, кричите, что это деньги испортили его. Разве? Не он ли виноват в уничтожении своего наследства? Не завидуйте ничтожному наследнику, его богатство — не ваше, и вы не извлекли бы из него большей пользы. Не требуйте разделения богатства между вами — обременение мира пятьюдесятью паразитами вместо одного не возродит состояния, созданного гением. Деньги — живая сила, они гибнут без корней. Деньги не будут служить разуму, который их не достоин. Не в этом ли причина вашей ненависти к деньгам?

Деньги — средство вашего выживания. Вердикт, который вы выносите средству достижения благополучия, будет вердиктом вашей собственной жизни. Засоряя источник, вы губите себя. Вы зарабатываете деньги обманом? Потворствуя человеческим порокам или глупости?

Обслуживая дураков в надежде получить больше, чем позволяют ваши способности? Снижая собственные требования? Выполняя работу, которую вы ненавидите, для покупателей презираете? Если так, то ваши деньги не принесут вам ни секунды, ни грамма радости. Все, что вы приобретете, обернется укором, позором, а не достижением. И вы опять начнете кричать, что деньги порочны. Порочны, потому что не стали источником вашего самоуважения? Порочны, потому что не дали наслаждения? Не в этом ли причина вашей ненависти к деньгам?

Деньги всегда останутся лишь следствием, они никогда не заменят вас как причину. Деньги — результат добродетели, но они не сделают вас добродетельными и не избавят от пороков. Деньги не дадут вам незаслуженного — ни материального, ни духовного. Не в этом ли причина вашей ненависти к деньгам?

Вы говорите, что любовь к деньгам — корень всех зол? Любить вещь — значит понимать и любить ее природу. Любить деньги — значит понимать, что они пробуждают в вас лучшие силы

и стремление обменять свои творения на творения лучших из людей. Только у человека, готового продать душу за цент, но громче всех вопящего о своей ненависти к деньгам, есть повод их ненавидеть. Тот, кто любит деньги, готов трудиться за них. Он знает, что способен их заработать. Знаете, как распознать таких людей? Тот, кто прокликает деньги, заработал их не честно, тот кто ценит деньги, заслужил их. Бегите без оглядки от любого, кто скажет: «Деньги — зло». Эти слова — звон колокольчика прокаженного, лязг оружия приближающегося грабителя. С тех пор как люди живут на земле, а значит вынуждены общаться, единственной заменой денег было ружейное дуло.

Если вы стремитесь не только делать деньги, но и увеличивать свое богатство, вы должны обладать высочайшими способностями. Люди, не обладающие силой, гордостью и достоинством, чувством морального права на свои деньги, не готовые защищать свое состояние так, как защищали бы свою жизнь, люди, ощущающие вину за то, что богаты, не смогут сохранить свое богатство. Они станут естественной приманкой для стаи грабителей, кишащих у подножия скалы, и карабкающихся вверх при появлении запаха падали — покаянии человека, чьей виной является обладание богатством. Они с превеликим удовольствием поспешат избавить его от чувства вины, а за одно и от жизни, как он того заслуживает.

Если вы хотите оценить перспективы развития общества, обратите внимание на его отношение к деньгам. Отношение к деньгам — барометр состояния общества. Если вы видите, что торговля в обществе осуществляется не на основе согласия сторон, а по принуждению; если для открытия дела необходимо разрешение чиновников — людей, ничего не производящих; если вы наблюдаете приток денег не к тем, кто производит лучшие товары, а к тем, кто пользуется чьей-то благосклонностью; если вы видите, что кто-то богатеет с помощью подкупа или общего голосования, а не благодаря трудовым достижениям; если законы общества защищают таких паразитов, а не вас от них; если коррупция вознаграждается, а честность и принципиальность приводят к самоуничтожению — знайте: общество на пороге гибели. Деньги — слишком благородный посредник, чтобы вступать в соревнование с пулеметом, они не имеют ничего общего с жестокостью и порочностью.

Во все времена люди, желающие разрушить общественную систему, начинали с уничтожения денег, поскольку именно деньги являются защитой от произвола, гарантом моральной устойчивости общественной системы. Разрушители общественных систем первым делом изымают у населения золото, подменяя его грудой бумажных подделок, не имеющих реальной ценности. Этим они уничтожают эталоны и бросают людей в пучину беззакония, на милость того, кто произвольно устанавливает ценности. Золото имеет объективную ценность, поэтому может являться эквивалентом производимого богатства. Бумажные деньги — лишь закладная на богатство, которого нет, закладная, поддерживаемая силой оружия, направленного на того, кто по велению власть предержащих должен это богатство производить. Бумажные деньги — это чек, выписанный вам ворами в законе на богатство, которое им не принадлежит, на состояние и достоинство своих жертв. Ждите дня, когда вам вернут чек с пометкой «счет исчерпан»! Если вы почитаете злом средство своего существования, не рассчитывайте, что окружающие останутся честны. Не рассчитывайте, что они будут придерживаться морали и согласятся жертвовать собой, становясь пищей для извращенцев. Не рассчитывайте на их вклад в производство материальных ценностей, когда инициатива карается, а грабеж вознаграждается. Не спрашивайте: «Кто разрушил этот мир?». Вы его разрушили!

Вы живете в век высочайших достижений человечества, самой продуктивной цивилизации за всю его историю, проклиная деньги ~ кровеносную систему этой цивилизации, и при этом удивляетесь, что всё вокруг рушится. Вы смотрите на деньги как дикари и удивляетесь, что джунгли подступают к окраинам ваших городов. Всю историю человечества деньги оставались в

руках то одной банды, то другой, — названия банд менялись, методы и цели оставались неизменными: захват богатств при помощи силы и удержание создателей материальных и духовных благ связанными, униженными, лишенными заслуженной славы.

Ваша бредовая уверенность в порочности денег уходит корнями в те времена, когда богатство создавалось трудом рабов — рабов, которые повторяли одни и те же операции, разработанные чьим-то умом и веками остававшиеся неизменными. До тех пор, пока производство управляется силой, а богатство приобретается в ходе вооруженной борьбы, в обществе нет места созидательному труду. Несмотря на века стагнации и полуголодного существования, люди продолжают прославлять грабителей как аристократов меча, робингудов, аристократов власти, и презирают создателей, обзывая их рабами, торговцами, лавочниками и, наконец, промышленными магнатами.

Однако же существовала — единственная в истории человечества — страна денег, а это значит — страна разума, справедливости, свободы, творческих и производственных достижений. Впервые в истории человеческий разум и деньги были неприкосновенны, не было места вооруженной борьбе за счастье — были созданы условия для стремления к счастью, достигнутому своим трудом. Здесь не было места меченосцам и рабам, здесь впервые появился создатель, величайший труженик — американский промышленник.

Вы спрашиваете, что отличает американцев. Главным отличием я считаю то, что люди этой страны изрекли: «Делать деньги». Ни один другой язык или народ до них не произносил этих слов. Люди всегда считали богатство статичным: его можно захватить, выклянчить как подаяние, унаследовать, получать в результате мошенничества, чьей-то благосклонности, наконец, его можно разделить. Американцы были первыми, кто понял, что богатство должно создаваться созидательным трудом. Выражение «делать деньги» является основой человеческой морали.

Именно за эти слова американцев осуждают лицемерные представители вырождающихся культур прочих континентов. Они пытаются навязать американцам чувство стыда за величайшие достижения своей культуры, чувство вины за свое процветание; заставляют относиться к американским промышленникам как к грабителям и подлецам; призывают расценивать могучие производственные сооружения как собственность пролетариев, как продукт простого мускульного труда, труда подгоняемых кнутом рабов, подобных строителям египетских пирамид. Негодяй, который самодовольно ухмыляясь, утверждает, что не видит разницы между силой кнута и могуществом доллара, должен на своей шкуре испытать это различие, и надеюсь, в конечном итоге так и произойдет. Пока вы не поймете, что деньги — корень добра, вы будете идти к самоуничтожению. Если деньги перестают быть посредником между людьми, люди превращаются в объект произвола.

Кровь, кнут, дуло пулемета — или доллар.

Делай выбор! Другого не дано! Время пошло!

notes

Консерваторы в Америке — сторонники уменьшения [увеличения! — Прим. сканировщика.] государственного влияния в экономике. (Прим. изд.)

Отцами-основателями и США называют Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея, чьи идеи легли в основу Декларации прав человека. (Прим. изд.).